

A romantic couple in a historical setting. A woman with long, wavy brown hair, wearing a dark green one-shoulder dress, is embracing a shirtless man with dark, curly hair and a beard. They are standing in front of ancient stone ruins, with warm, golden light from the setting or rising sun illuminating the scene. The man is looking down at the woman, and she is looking up at him with a soft smile. The overall mood is intimate and passionate.

Виктория Виноградова

Искушение

**МОЙ НЕПОКОРНЫЙ
ПЛЕННИК**

Виктория Виноградова

Искушение. Мой непокорный пленник

<https://litres.ru/74203394>

Аннотация

♥#ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РОМАН♥#

Он - военнопленный, попавший в рабство. Она - та, кто занимается обучением рабов. Она должна в короткий срок превратить непокорного пленника в дисциплинированного слугу. Вот только у мужчины иные планы на этот счет, и становиться рабом он не собирается.

Дело осложняет взаимное притяжение. Им нельзя любить друг друга, но порой чувства бывают сильнее логики и обстоятельств.

В книге обязательно будет ♥#Потрясающий герой: сильный, мужественный, с характером, достойный, заботливый. Настоящий мужчина! Не влюбиться не получится ♥#Адекватная неунывающая героиня ♥#Борьба характеров ♥#Немного эротики и пикантностей ♥#Античный уникальный мир, со своими особенностями ♥#Хороший добрый посыл и прекрасная воодушевляющая идея книги

ОДНОТОМНИК, ХЭ

♥#ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ "Виктория Виноградова"♥# Там можно посмотреть как живет автор, как придумывает новые

книги, обсудить героев, позалипать на арты и пообщаться. Буду очень рада видеть вас))

"Тайна Верховной жрицы" -

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	44
ГЛАВА 4	56
ГЛАВА 5	71
ГЛАВА 6	87
ГЛАВА 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

ГЛАВА 1

Глава 1

Ардия. 95 год эпохи Процветания

29 дней до визита Эйстерии

Впервые мне было неловко в присутствии раба. Обычно они вызывали спокойные доброжелательные чувства, иногда жалость, иногда презрение. Но этот раб был необычным. Он не хамил, не пытался запугать или разжалобить. Стоял спокойно, с едва уловимой вежливой улыбкой. При этом от него волнами исходила уверенность. Казалось, что на нем нет тяжелых проржавевших оков на лодыжках, запястьях и шее. Будто не его оставили в Доме Покорности для воспитания.

Он был выше меня на голову, с чуть выющимися темными волосами. Лет тридцати или чуть старше. Впалые щеки, проросшая щетина, широкие густые брови и очень внимательные карие глаза с длинными темными ресницами, которым позавидовала бы любая красотка из нашей Савении.

Руки сильные, испещренные шрамами. Голый торс измазан сажей и грязью – его даже не удосужились привести в порядок перед продажей. Видимо, не рассчитывали, что на раба польстится кто-то из знати. Из одежды – выцветшая туника, висевшая на одном плече и доходившая до коленей, такая же неопрятная и помятая, как и сам мужчина.

Раб стоял передо мной босиком, руки его были опущены, живот впал от недоедания, но смотрел мужчина так, будто мы с ним были одного статуса. Точно он прибыл на аристократический прием и ждал, когда растерянная хозяйка вспомнит о гостеприимстве и предложит сесть.

А я и впрямь растерялась. Сначала из колеи выбила клиентка, а теперь и ее заказ. Мужчин с такой brutальной внешностью ко мне приводили крайне редко. Обычно на воспитание отправляли стройных юношей лет двадцати.

- Пойдем, покажу дом, - я попыталась отогнать невесть откуда взявшуюся нерешительность.

- Буду Вам весьма благодарен, - ответил раб с вежливой улыбкой.

- Это вестибюль, здесь я принимаю посетителей, - окинула рукой просторную комнату с помпезными колоннами и статуями. Напротив входной двери притаились удобные кресла и диванчики, в которых могли отдыхать гости в ожидании моего появления.

Дом принадлежал моей родственнице, но в ее отсутствие я могла считаться его хозяйкой.

Ожидала блеска в глазах, при виде столь богатого убранства. Или, наоборот, робости, какая бывает, когда бедняк попадает в роскошную обстановку. Но мужчина лишь вежливо кивнул.

- Далее выход во внутренний сад, но до него мы доберемся позже. Пойдем налево – там гостиная.

Провела мужчину в просторный и уютный зал с широким камином, возле которого стояли диванчики, обитые алой тканью. Днем я принимала здесь клиентов, а по вечерам грелась у камина с бокалом вина. Точнее, я так делала раньше, пока дров было в достаточном количестве.

Показывая комнату, я мысленно отмечала в себе противоречивые эмоции. Мне было и робко в присутствии незнакомца, словно передо мной не раб, а представитель аристократического сословия. И в тоже время, наконец-то у меня появились деньги! Хотя клиентка не самая приятная, но для меня ее заказ был спасением от краха.

Вчера я думала, что жизнь окончена. Последние даларии были потрачены на мешочек овощей и муку, составлявшие мой рацион уже которую неделю, и морально я готовилась к длительной голодовке.

Забавно, конечно, жить в столь роскошном доме и питаться овощными похлебками. Есть в этом что-то ироничное. Но на самом деле мне было совсем не до веселья.

За последние полгода я распродала все личные вещи, которые имели хоть какую-то ценность. Торговать предметами, которые принадлежали моей тете, не позволяли ни совесть, ни закон. Даже если бы я решилась на такое, за продажу чужого имущества полагалась тюрьма.

Тетя никогда не жалела денег на индивидуальные заказы. И дом под нее разрабатывали, и мебель местные умельцы создавали исходя из ее вкусов. Про статуи и картины даже не

говоря. Посуда и та была уникальной. Любой торговец быстро бы вычислил настоящего владельца и направил за мной городскую стражу.

Я не могла бросить дом в отсутствии родственницы, работа не приносила денег, а найти для себя новое ремесло – не удавалось. Как выживать – непонятно.

И тут, словно посланник божий, заказ от госпожи Эйстерии по тройному тарифу. Отец всемогущий! Вы бы видели, каких трудов мне стоило сдержаться и не броситься к клиентке на шею с воплями: «Спасительница!» У меня чуть сердце из груди не выскочило от радости.

Но пришлось делать вид, что ничего необычного не происходит, и что у меня полно работы. Но раз очень нужно, то так и быть, я соглашусь взяться и за вашего раба, уважаемая госпожа Эйстерия.

На что только не пойдешь, лишь бы никто из клиентов не понял, в каком бедственном положении я нахожусь. Знать ни за что не станет обращаться к нищенке, и тогда меня ждет окончательное разорение. Так что, держусь как могу, пытаюсь создавать иллюзию благополучия.

Пока мы шли, я украдкой наблюдала за новым воспитанником. Он следовал за мной, позвякивая цепями, слегка отставая. Мужчина держался прямо и делал уверенные шаги, хотя цепи были довольно тяжелыми. Обычно такие надевают на разбойников или выходцев из северных племен, славящихся воинственным нравом. Однако этот человек не был

похож на варвара или бандита. Его также сложно было отнести к тем, кто добровольно решил стать рабом.

Обычно в слуги шли или разорившиеся крестьяне, или миловидные юноши и девушки, желающие выгодно продать молодость и красоту. Я подумала, что передо мной, возможно, военнопленный, но такие с ходу пытались грубить, провоцировать и показывать характер. А этот мужчина демонстрировал спокойствие, с вежливым любопытством осматривая комнаты.

Очень странный раб.

- Как твое имя? – спросила, пока мы шли через гостиную.

- Маркус, – голос его был низким, с бархатистыми нотками, такой же уверенный, как и его обладатель. - А как зовут вас, уважаемая?

- Ко мне обращаться исключительно «госпожа». Знать мое имя тебе не обязательно, – резко оборвала я, решив сразу показать, кто здесь главный.

На мой холодный ответ Маркус лишь усмехнулся и продолжил идти, не обращая внимания на тон.

Я чуть отстала и мельком взглянула на себя в зеркало, висящее на стене. Рука сама потянулась поправить каштановые выющиеся локоны и неровно лежащую накидку оливкового цвета, наброшенную наспех поверх простенькой домашней туники. Отчего-то захотелось переодеться в более нарядное платье, чтобы соответствовать Маркусу. Хотя он сам был одет в лохмотья, но держался так уверенно, что на

его фоне я робела и чувствовала себя простушкой.

«Лиша, возьми себя в руки!» - мысленно сказала я своему отражению в зеркале.

Что за оцепенение нашло на меня? Будто морок какой-то.

«Перед тобой обычный воспитанник, и относиться к нему надо соответственно».

Из гостиной можно было попасть в столовую. Раньше, когда здесь жила моя тетка, в этой комнате часто собирались гости. Но после ее отъезда многое изменилось, и теперь я была вынуждена обедать в одиночестве.

В столовой было три двери. Одна вела в гостиную, другая – на кухню, а третья - во внутренний сад.

Я направилась на кухню, где во всю орудовал мой молчаливый Вир - высокий слуга с массивным телосложением. Родом он был из самых северных земель. В детстве его взяли в плен, вырвав язык. После он бежал из плена, попал на войну, и вновь оказался в рабстве. У меня он появился три года назад. Это был подарок от тетки. До того у меня не было личных рабов, и она решила, что Вир станет для меня своего рода телохранителем.

После отъезда родственницы северянину пришлось взять на себя не только роль охранника, но и управляющего, и повара, и горничной. Я понимала, что он не успевает один поддерживать порядок в таком большом доме, но и помочь ничем не могла. На новых слуг денег не было.

Сейчас Вир старательно месил тесто на кухонном сто-

ле, расположенном по центру комнаты. Позади него в очаге булькало варево в чугунном котле - очередной суп из овощей, будь он не ладен. Организм давно требовал нормальной еды: мяса, рыбы, фруктов, сладостей. И хорошего вина, а не той кислятины, что продают по одному даларию за бочку. Но ничего, сейчас я покажу новенькому дом и схожу на рынок за продуктами. Как же вовремя появилась Эйстерия с этим заказом!

Увидев нас, Вир отвлекся от теста и бросил на новенького тяжелый взгляд, как бы говоря: «Только попробуй что-нибудь задумать – позвоночник выдерну и в узел свяжу!» Это было правильно, столь самоуверенного воспитанника лучше сразу припугнуть, чтобы он даже думать не думал проверять меня на прочность.

Я сказала вслух: «Дальше идет кладовая с продуктами, туда мы пока не пойдем». А про себя добавила: «Чтобы не пугать тебя пустыми полками».

Вместо кладовой повела темноволосого мужчину в коридор, в центре которого был просторный внутренний дворик. Посреди колон, под открытым небом росли кустарники и небольшие деревья, создавая приятную тень в жаркие солнечные дни. Возле них расположились кушетки, на которых так приятно было лежать, наслаждаясь теплым воздухом и вдыхая ароматы цветов. Пожалуй, только этот садик скрашивал все мои последние недели в доме. Здесь можно было погреться на солнышке и хоть ненадолго отвлечься от тя-

гостных будней.

Весна в Савенийской империи была в самом разгаре, щедро окрашивая зелень яркими пестрыми красками. В саду всю цвели гибискусы и азалии, разнося сладкий ветерок по комнатам. Солнце щедро поливало лучами ветви кустарников и узорчатую мозаику на полу, от которой по стенам разлетались яркие блики.

Мы прошли сквозь сад к противоположной стороне дома. Не заходя в комнаты, я показала, где находится моя спальня и спальня тетки, пустая и все еще ждущая возвращения владелицы. Мельком продемонстрировала просторный бассейн, после чего повела к помещению для прислуги.

Мне все больше и больше не нравилось поведение раба. Обычно осмотр дома сопровождался восхищенными или завистливыми возгласами, расспросами. А этот брюнет вел себя так, будто для него столь роскошная обстановка являлась совершенно привычной. Его даже не удивил мой комментарий о том, что в бассейне можно как купаться в прохладной воде, чтобы освежиться в жаркий летний день, так и подогреть ее для вечерних омовений.

Кого привела госпожа Эйстерия? Где она нашла такого необычного раба?

Кроме того, я чувствовала себя неловко под внимательным взглядом карих глаз. Кажется, даже покраснела, точно юная девушка на первом свидании.

Обычно ко мне приходил хозяин рабовладельческого

рынка Толстый Фог. Он приводил симпатичных юношей и девушек, чтобы за месяц я сделала из них послушных и хорошо воспитанных слуг, знающих этикет и умеющих вести себя подобающе. После этого рабы возвращались к Толстому Фогу, где продавались по более высокой цене, а я получала свою комиссию с продажи. В целом, неплохое ремесло. Не сказать, что мне хотелось бы заниматься им всю жизнь, но и жаловаться – только Далара гневить. Не самая худшая работа на свете. По крайней мере, когда она приносила деньги.

Кто-то попадал в рабство из-за своего бедственного положения. Другие были слишком ленивы и не желали учиться ремеслам. А некоторые мечтали о красивой и беззаботной жизни в особняках знати.

Реже ко мне приходили влиятельные особы, такие как госпожа Эйстерия. Обычно это случалось после неудачной покупки на рынке, когда смазливый раб оказывался дурно воспитан и строптив. Таких рабов отдавали мне на воспитание. С ними приходилось держаться строже, проводить более жесткие наказания и втолковывать о вредности норовистого характера.

Стать слугой у благородных господ – не самая худшая участь. Ведь существуют работы на рудниках и пашнях, в каменоломнях и лесных угодьях, по сравнению с которыми уборка покоев или подношение яств на пирах – ерунда. Мои подопечные должны быть благодарными, что попали в хорошие руки.

К тому же я никогда не скупилась на знания. Если раб был готов учиться, подсказывала, что любят господа, как их можно задобрить и заслужить благосклонность. А доброе отношение хозяина очень часто проявлялось в дорогих нарядах, украшениях, личных покаях и комфортной жизни.

Эйстерия отличалась от прочих клиентов. Она хотела видеть рядом с собой не просто послушного слугу или сладострастного любовника. Ей нравилось, когда раб каждой клеточкой тела ощущал себя ничтожеством. Терпел любые пытки и истязания, и при этом был готов убаживать хозяйку, несмотря на боль и унижения.

Не могу сказать, что была в восторге от подобного заказа, но Эйстерия обещала тройную оплату и внесла солидный залог. На весах было: «сломать» гордого раба или умереть с голоду. И я выбрала первый вариант.

И вот теперь загадка: как подойти к этому новенькому, от которого так и сквозило мужественностью?

Это вам не тощий паренек, готовый на что угодно, хоть на побои, лишь бы его кормили. И это не те рабы, что получают удовольствие от подобных игрищ.

- Откуда ты и чем занимался до того, как попал в рабство? – спросила я у собеседника.

- Из Арамории, - коротко ответил темноволосый мужчина. - После учебы записался добровольцем в легион. Под Тарикией наш взвод разбили, меня схватили в плен, и так я оказался здесь.

Вот как... Раб не слишком словоохотлив, но его ответа мне хватило, чтобы удивиться. Арамерское царство, значит...

Это лишь укрепило мои подозрения относительно властного характера. Жители этого царства славились патриархальными устоями. В их семьях мужчина всегда был главный, и последнее слово оставалось за ним.

Так что я радовалась заказу не долго. Работа предстояла не из легких. Обуздать такого дикаря... Хотя, вру. На дикаря совершенно не похож. Может быть, удастся договориться?

Мне еще не приходилось иметь дело с арамерскими мужчинами-рабами. Наша империя граничит с Арамерским царством, и раньше мы сосуществовали не сказать, чтобы дружно, но и без открытых конфликтов. Разве что были мелкие приграничные стычки, которые проверяли соседа на прочность. Но сейчас все изменилось.

У нас к власти пришел новый император, Цериний Третий, решивший, что Савения достаточно окрепла и сможет потягаться с воинственными арамерцами.

У Арамерии было удачное расположение, отчего вся торговля с восточными странами велась через них. Из-за этого в нашу Савению товары попадали по завышенным ценам.

По слухам, захватывать чужое царство наш император не собирался. Скорее, планировал хорошенько пообтрепать арамерцев, чтобы договориться о более выгодных условиях торговли.

В подробности войны я не особо вникала, но слышала, что бои на границах шли весьма тяжелые. Наши наступали, и, видимо, арамерские военнопленные были первыми плодами военной кампании.

Раньше если из соседней страны и привозили кого, то исключительно из приграничных сел, и в основном женщин. Уж очень хороши арамерки. Гордые, своенравные, но безумно красивые. А вот мужчинами брезговали – они годились лишь для тяжелых работ, но были куда хуже рабов, присланных из наших колоний. У арамерцев был непокорный характер, да и внешность не сказать, что подходящая для служения в знатных домах. Грубые черты лица, мускулистые тела. Наши аристократки предпочитали изящных и миловидных юношей, а не свирепых дикарей.

Назвать Маркуса тощим красавчиком было решительно невозможно. Вроде и не страшный, было в нем что-то притягательное: особенно его карие глаза с длинными ресницами. Но в целом он был далек от савенийских идеалов. Широкий нос с горбинкой, подбородок порос жесткой щетиной, тело крепкое, выдающее любителя вкусно покушать и славно выпить.

Мы остановились в саду, не доходя до жилых комнат для прислуги, расположенных в дальней части дома. Я предложила Маркусу присесть на скамейку – уж очень хотелось пообщаться с арамерцем. Хоть он и сказал, что служил в армии и был взят в плен в бою, но назвать его грубым или невос-

питанным солдатом язык не поворачивался. Мужчина был вежлив, хорошо воспитан, знал наш язык и говорил на нем без акцента. Я не знала, чего от него ожидать, особенно учитывая, для каких целей его купила госпожа Эйстерия.

Так что решила для начала в общих чертах обрисовать Маркусу его дальнейшую судьбу. Не пыталась подсластить пилюлю, а говорила все как есть: о вкусах госпожи Эйстерии и о том, какое обучение его ждет в моем Доме Покорности. Ожидала возмущения, криков, угроз или попыток договориться. Но брюнет снова удивил меня.

- Дражайшая, я бы рекомендовал Вам отказаться от заказа и вернуть залог, – произнес он, а на мой вопросительный взгляд пояснил: - Ваша работа будет бесполезной. Вы лишь впустую потратите время и силы.

Он думает, что я так легко сдамся?

- Полагаешь, что не смогу тебя перевоспитать?

- Просто хорошо знаю свой характер. Поэтому сожалею, но у Вас ничего не получится.

Он произнес это с вежливой улыбкой, как будто я пришла к нему купить свежих яблок, а он сообщил, что они закончились.

- Люблю дерзких, - сказала я, принимая правила игры.

Если хочет показать, какой он нестигаемый, то пусть. И не таких перевоспитывала. Да и выхода у меня нет. Если я сейчас верну его назад госпоже Эйстерии, то мы с Виром протянем ноги с голоду.

- Это хорошо, - арамерец тепло улыбнулся, – значит мое поведение не слишком Вас огорчит.

Захотелось огреть его чем-нибудь тяжелым, чтобы не важничал, но меня отвлек появившийся в саду Вир. Жестом он показал, что обед готов.

Я, конечно, планировала завершить экскурсию по дому, а с другой стороны, завтрак был давно и состоял из лепешки, которую мы с Виром поделили пополам. Так что желудок требовал еды. Кроме того, я посмотрела на осунувшееся лицо Маркуса и не смогла удержаться от вопроса:

- Когда ты ел в последний раз?

- Четыре дня назад, - военнопленный произнес это настолько спокойным тоном, без попыток разжалобить, будто речь шла о чем-то незначительном, вроде набежавших туч. Дескать, голодал и голодал, что такого?

«Да уж, да он, оказывается, собрат по несчастью». Стало жаль арамерца. Чего он натерпелся, прежде чем попал ко мне?

- Пойдем подкрепимся, а затем покажу оставшуюся часть дома, - предложила я.

- Буду Вам премного благодарен. И все же, позвольте узнать Ваше имя?

- Я уже сказала – это без надобности. Для тебя я – госпожа, - попыталась говорить строго, но по реакции мужчины поняла, что мой тон его ничуть не смутил.

- Как скажете, дражайшая.

- Госпожа!

В ответ - самоуверенная улыбка. Дескать, считай себя кем хочешь, а буду называть так, как мне вздумается.

Ничего, это мы быстро исправим.

ГЛАВА 2

Я обедала в столовой, а для арамерца молчаливый Вир подготовил небольшой столик для прислуги на кухне. Маркус вежливо улыбался и сидел так, словно присутствовал на торжественном приеме. Кажется, грязная туника и кандалы совершенно не смущали его.

Мне было любопытно, как брюнет будет вести себя во время еды, так что я быстро справилась с обедом. К тому же, в нем не было ничего особенного: овощной суп, треть от свежеиспеченной лепешки и бокал разбавленного вина. Мы с Виром старались экономить на всем.

К моменту, когда я вновь появилась на кухне, Маркус во всю трапезничал. Подобно благородному аристократу от отламывал кусочки от лепешки, медленно отправляя их в рот и тщательно пережевывая. Чинно держал ложку, неторопливо пробуя суп. Он совершенно не походил на человека, который голодал четыре дня.

Но я знала, как обращаются с военнопленными на рынках, и безмятежный вид Маркуса не мог меня обмануть.

Даже среди рабов есть деления. К местным уроженцам всегда наиболее человечный подход. Если рабы из наших колоний, отношение чуть попроще, но опять же, смотря какая колония, какими навыками обладает раб, насколько хорошо сложен и красив. Всех, кто симпатичен или владеет ценны-

ми умениями, берегут. За них можно получить весьма солидную сумму. Тех, кто попроще, их и кормят реже, и оплеух с окриками им достается больше. Еще хуже относятся к разбойникам. Но даже их стараются не калечить слишком сильно.

А вот военнопленных откровенно ненавидят. Потому что они чужаки. Причем чужаки, которые могут напасть. Условия содержания у них хуже, чем у скота. Скотину хотя бы регулярно кормят и не избивают по любому поводу. А к пойманным военным относятся по принципу: если помрет, то не велика потеря.

Цена за них невысокая, даже меньше, чем за разбойников, и обычно их берут для самых тяжелых работ, таких как рудники, галеры, каменоломни. Проще говоря, там, где рабы скупаются пачками, потому что мрут быстрее, чем высыхает лужа на солнце.

Судя по манерам Маркуса, он из богатой семьи. Но как тогда оказался в рабстве? Такие как он, попав в плен, откупаются и едут домой.

Именно поэтому мне удивительно, что Эйстерия купила этого арамерца. Где она его нашла? Для знати рабов выставляют отдельно, выбирая красивых, худощавых. А военнопленных продают в противоположной части рынка. Возможно, Эйстерия приходила мимо и Маркус чем-то ее привлек? Странная женщина. Станный раб. Одни загадки.

- Благодарю за обед, - сказал Маркус, промокнув губы салфеткой. - Он был весьма... интересным.

- Какой эпитет ты подобрал, - деликатность военнопленного меня рассмешила: обед был настолько ужасен, что слово «интересный» являлось для него наивысшей похвалой. - К сожалению, готовка - не самая сильная сторона Вира.

Да и, откровенно говоря, о каких кулинарных шедеврах может идти речь, когда из продуктов только репа, фасоль, капуста и кабачки?

- Если пожелаете, я мог бы угостить Вас вкусным ужином, - брюнет встал из-за стола, одарив меня раскованной улыбкой, - Мне будет приятно приготовить что-нибудь особенное для столь прекрасной чаровницы.

Началось. Вот такое я сразу пресекаю. Никаких фривольностей!

- Я уже сказала: при обращении ко мне добавлять «госпожа»!

- Ой, простите, – фыркнул Маркус и ехидно протянул: – госпожа-а-а...

- Да уж, чувствую, что меня ждет плодотворный месяц по части перевоспитания.

- Я предупреждал, что не собираюсь изображать покорность. Но мне любопытно, что включает в себя воспитательная программа? – брюнет оперся спиной о кухонную столешницу, внимательно осматривая меня с головы до ног.

Взгляд был откровенный. Не раздевающий, но вполне

мужской. Вновь поймала себя на желании переодеться во что-то более нарядное, и тут же мысленно отругала за неподобающие мысли.

- Что, не терпится ознакомиться? – сказала с напускной строгостью, но поняла, что под этим самоуверенным взглядом фраза вышла двусмысленной.

- Само собой, - Маркус облизнул губы, еще пристальнее разглядывая мою фигуру, - Уверен, она у Вас весьма занимательная.

- Успеешь еще проникнуться учебным процессом. Пойдем сперва отмоем и переоденем тебя.

Сказала и тут же мысленно поморщилась, предвкушая вопрос, который последует от арамерца: составлю ли я ему компанию в душевой?

Но на удивление, мужчина отреагировал иначе:

- Не все ли равно на грязную или чистую спину обрушивать плеть? – флегматично спросил арамерец.

Интересно, с чего он решил, что я сразу начну с порки? После моих рассказов о вкусах Эйстории? Разумеется, что-то подобное придется устроить, ближе ко второму этапу обучения, из-за специфических пристрастий клиентки. Но это, скорее, исключение из правил. Обычно мои подопечные обходятся без телесных наказаний. По крайней мере, если не стремятся показывать характер.

Однако я не спешила разубеждать Маркуса – пусть думает, что в любой момент может быть наказан. Он и так слиш-

ком вольготно чувствует себя в доме. Так что, отвечая на вопрос, я решила подыграть его представлениям о том, как воспитывают рабов:

- Во-первых, на теле могут быть порезы, и, если в них попадет грязь, начнется гниение. Придется отрезать руку... или ногу, - я специально говорила это нарочито пугающим тоном. - Будет жаль, если к концу обучения раб окажется инвалидом. А, во-вторых, ты уж прости за прямоту, но несет от тебя так, будто ты неделю спал в обнимку с козой.

- В принципе, Вы не далеки от истины, - улыбнулся брюнет.

Судя по всему, моя попытка напугать арамерца провалилась. То ли он не воспринял мои слова всерьез, то ли морально был готов к любым наказаниям.

Мы прошли по коридору во второй отсек дома, предназначавшийся для слуг. Обстановка здесь контрастно отличалась от убранства господских помещений: скромно, без излишеств. Вдоль стен выстроились в шеренгу восемь кроватей. К каждой жался небольшой сундук для личных вещей раба, если таковые имелись. В комнате был небольшой диванчик, чтобы я могла проводить занятия в этом помещении. В левом углу стоял стеллаж со свитками. В нем находилась лишь небольшая часть того, что хранилось в моем кабинете.

В основном здесь лежали стихи, которые учили рабы, чтобы услаждать слух господ. Чуть больше места занимали свитки с рекомендациями о поведении в высоком обществе: к

кому и как обращаться, как прислуживать за столом, в какие туалеты облачать хозяев и прочие важные моменты. Стандартные учебные пособия, которые мне давно были без надобности. Я и без свитков помнила все настолько подробно, что хоть ночью разбуди — отвечу без запинки.

Сами воспитанники свитков не читали. На моей памяти лишь несколько раз к нам привозили рабов, знавших письмо. Все они были из соседней Иллейской империи. В ту пору я еще жила в этом доме вместе с теткой.

К примеру, один раб оказался известным педагогом у себя на родине. Тетка продала его за баснословные 2000 далариев - немыслимую сумму по тем временам. Даже сейчас, когда цены на рабов значительно выросли, на две тысячи было можно купить несколько рабов.

Для понимания: обычный раб, допустим, из обедневшей крестьянской семьи или из наших колоний, стоит 200 далариев. Разбойники или беглые рабы - еще дешевле, обычно около сотни далариев. И то, если у них есть какие-то ценные навыки. Хорошего повара, строителя или охранника могут продать и за 250-300 далариев. Мои воспитанники стоят не меньше 700 далариев. Кстати, интересно, за сколько купили Маркуса?

Возле стеллажа со свитками имелась дверь в соседнее помещение. Там находилась уборная, умывальник и душ. Между прочим, такие душевые даже не в каждом состоятельном доме имеются, а в нашем даже слуги могли споласкиваться

под проточной водой.

Вода текла по желобу прямо из стены, поливая раба сверху. Причем, струя была теплой, потому что в подвале находилась печь для нагрева. И сам поток воды можно было перекрыть вручную прямо из душевой.

Это все благодаря дружбе моей тетки с самыми влиятельными и прогрессивными жителями нашего города.

В противоположной от ванной стороне имелаась дверь, прячущая за собой особенное помещение: комнату, которой боялся каждый раб - дисциплинарную.

Впрочем, с вами могу поделиться. Не самом деле дисциплинарная не настолько страшна. Атмосфера там действительно мрачная, подходящая для того, чтобы провинившийся раб как можно быстрее раскаялся в поступке и впредь старался не подпадать в эту комнату. В остальном: обычные розги для порки, от которых долго болит зад, несколько плеток и кнутов, для тех, кто не понимает с первого раза. Но по большей части все они пылятся без надобности. Редко кто из рабов решает испытывать мое терпение и давать поводы для посещения дисциплинарной.

Я позвала Вира, чтобы тот снял с новенького тяжелые ржавые оковы. По-хорошему, надо было сделать это перед обедом, но я была такая голодная, что сначала забыла освободить раба, а потом уже как-то не видела смысла срочно избавлять Маркуса от железных браслетов, он и в них прекрасно справлялся с трапезой.

Когда оковы с грохотом упали на пол, арамерец с удовлетворением потер запястья и шею, на которых остались ссадины и красные следы от впивавшегося в кожу металла.

- Там, - я кивнула в сторону душевой комнаты, - ты сможешь помыться.

Маркус молча пошел в указанном направлении. Я двинулась следом, чтобы объяснить, как включается вода, но, к моему удивлению, мужчина разобрался сам, да еще и успел одним движением сбросить с себя тунику. Это меня сбило с толку. Я собиралась уйти, но невольно залюбовалась его телом. Давненько в доме не было таких крепких и мужественных воспитанников.

Все эти тощие благолепные юноши не вызывали во мне томительных волнений, в отличие от столь могучего загорелого тела. Юношей хотелось накормить, а вот Маркуса... Маркуса просто хотелось.

Брюнет вздрогнул, когда полилась холодная вода. Отдельно топить печь для нагрева было непозволительной роскошью. Я и сама ополаскивалась, прося Вира подогреть для меня бадью с водой, хотя раньше регулярно принимала горячие ванны и подолгу плескалась, нежась от блаженства.

Конечно, раз у меня появился заказ, то можно будет прикупить дров и нормально помыться. Но этим займусь позже, а пока рабу придется довольствоваться тем, что есть.

- Водичка – прелесть, - и вновь широкая нахальная улыбка, будто арамерец был здесь хозяином.

Поймала себя на мысли, что хочу провести ладонью по его вздувшимся мышцам на руках, скользнуть пальцами по широкой волевой груди, опуститься вниз по рельефному торсу... Я отчетливо почувствовала, как внизу живота у меня все сжалось в приятном волнении.

– Вам говорили, что у Вас очень выразительный взгляд? – раб тщательно намыливал плечи. – Аккуратнее, он может легко выдать все Ваши желания.

Вероятно, наглец хотел смутить меня этой фразой, но я сдержала первый порыв отвернуться, и демонстративно продолжала наблюдать, как губка в его руках оттирает грязь с бронзовой кожи. Как проводит по поджарому торсу, испещренному шрамами от недавних побоев. Свежие раны совершенно не портили арамерца, наоборот, они придавали ему еще больше мужества и силы.

- Красивое тело, - невольно вырвалось из моих уст.

Молча выругалась за то, что вслух произнесла эту фразу. Но раз проговорилась, что оценила внешний вид арамерца, то решила, что будет глупо изображать из себя невинность и отсутствие интереса.

Маркус заулыбался еще шире и, словно довольный кот, принялся водить губкой медленно и плавно, красуясь передо мной обнаженным телом.

Зрелище доставляло мне эстетическое наслаждение. Я даже начала понимать, почему Эйстерия купила арамерца. От Маркуса исходила такая мощная мужская энергия, что хоте-

лось ощутить ее жар на своей коже.

Поймав мой взгляд, Маркус озорно подмигнул, выждал пару секунд, чтобы я могла насладиться видом, а затем медленно повернулся ко мне спиной.

- Дабы не вводить госпожу в искушение, - пояснил он, явно дразня. Чувствовал мой интерес и распалял его еще больше.

Тепло от низа живота распространилось по груди, заставляя ее глубоко дышать. Во-первых, у меня давно не было хорошего секса. А, во-вторых, паршивец действительно вызывал желание.

- Сейчас принесу полотенце и чистую одежду, - сказала я максимально будничным тоном, пытаюсь унять бушующие эмоции.

Тяжело мне будет воспитывать столь соблазнительного раба.

Сходила в кладовую за серой мужской туникой, а заодно прихватила плащ и сандалии, так как требовалось выйти на улицу, чтобы пополнить запасы провизии.

Я не собиралась оставлять Маркуса одного в доме, но также опасалась быть с ним наедине, в то время как Вир уйдет за покупками. Сейчас арамерец выглядел безобидно, но кто знает, вдруг это обманный маневр, и раб только и ждет возможности проявить настоящий характер? Поэтому сочла, что лучшим решением станет отправиться на рынок втроем.

Перед тем как выйти из дома, на Маркуса надели раб-

ский ошейник из легкого, но прочного позолоченного металла. Отличительный знак, который привлекал внимание, если раб оставался в городе один, без хозяев. С таким ошейником далеко не убежишь - сразу поймают и вернут владельцу.

После душа мужчина предпринял еще пару попыток смутить меня двусмысленными шутками, но наткнувшись на сдержанную реакцию, понял, что я настроена серьезно, и больше не пытался дразнить. И хорошо. Я уже жалела, что так глупо повела себя в душевой. Нельзя было показывать интерес. Если брюнет начнет манипулировать этим, мне будет сложнее добиться от него покорности. Но сделанного уже не воротишь, так что будем работать с тем, что есть.

Вышли на улицу. Мой нос сразу почувствовал морской солоноватый воздух. Вдали, в узком просвете между домами, виднелась голубая полоска воды.

Заметила, что Маркус с любопытством рассматривает окрестности. Посмотреть и впрямь было на что. Мой дом находился на холме, и если спуститься вниз по прямой, то через пару кварталов открывался чудеснейший вид на море. Оно лежало внизу, лаская взор синевой. К морю сразу с нескольких сторон тянулись зеленые холмы, усеянные светло-бежевыми домами с красными черепичными крышами. Река, делившая город на две неравные части, блестела под лучами солнца, настраивая на умиротворяющий лад. Чуть поодаль, на правом берегу, виднелся крупный порт с десятками пришвартованных кораблей. Вот туда-то нам и нужно

было, потому как рядом с портом располагался крупный рынок.

Мы шли вдоль набережной, приближаясь к мосту, соединявшему две половины города, когда Маркус, до этого молчавший, неожиданно спросил:

- Почему ты занимаешься воспитанием рабов?

Тон вежливый, но совершенно не похожий на желание завязать беседу ради беседы. Скорее, это была попытка узнать меня получше, понять мотивы, оценить, чего ожидать от предстоящего месяца.

- Хочешь понять – наказываю ли я рабов ради денег, или же занимаюсь этим для собственного удовольствия?

- Ты не слишком похожа на садистку. А неухоженный дом, скромный обед и единственный слуга говорят о том, что ремесло не приносит тебе больших денег. При том что сам дом весьма неплох и, очевидно, стоит целое состояние. Но он не твой, верно? Извини, если лезу не в свое дело, но мне кажется, ты в нем как будто бы гостя? Или я не ошибаюсь?

Меня задела фраза про отсутствие прислуги и состояние дома. Да, Вир не успевает все тщательно убирать в одиночку, а на покупку собственных рабов у меня нет денег. Но было неприятно слышать об этом от раба. Обычно воспитанники были настолько ошеломлены домом, что не обращали внимания на мелочи вроде пыли на статуях или отсутствия штата прислуги. А этот погляди ж ты – все заметил.

И как он угадал, что я не владелица дома? Неужели на-

столько очевидно, что я в этом особняке чужая? Вроде не первый год живу, давно освоилась. Не понимаю, как Маркус понял, что дом мне не принадлежит?

- Обычно у меня более людно и хватает рабов, поэтому в дополнительной прислуге нет нужды, - я старалась произнести это как можно более непринужденно.

- И тем не менее, что заставило тебя заняться этим ремеслом?

- Я же говорила: ко мне обращаться на «Вы» и обязательно добавлять «госпожа».

- Вы уходите от ответа, госпожа.

Он произнес последнее слово так, будто это было какое-то детское ругательство. Безобидное, сказанное чтобы слегка поддеть приятеля по играм.

Как же хотелось отвесить подзатыльник этому великовозрастному мальчишке, вздумавшему превратить ритуал повиновения в ребяческую забаву.

- Обращаясь ко мне в уважительной манере и называя госпожой, ты демонстрируешь готовность подчиняться мне.

- Но я не собираюсь тебе подчиняться, - возразил Маркус и ехидно добавил: - Ой, простите. Вам, госпожа.

Его упрямство начинало злить.

Я оглянулась на Вира, который шел позади, ища у него поддержки. Но северянин предпочел сделать вид, что не прислушивается к нашему разговору. Это было странно, ведь обычно молчаливый слуга помогал мне в подобных ситуаци-

ях.

Иногда одного его взгляда хватало, чтобы зарвавшийся раб понял, что перешел черту, и присмирел. А сейчас Вир делал вид, что ему гораздо интереснее разглядывать дома, чем следить за поведением воспитанника. И что это на него нашло?

- Тем не менее, - я откинула каштановые локоны со лба, - ты уже это делаешь. К примеру, по моему приказу сопровождаешь меня на рынок.

Маркус возмущенно фыркнул:

- Вот еще. Я сопровождаю Вас на рынок, потому что мне интересно увидеть город, в котором оказался. Кроме того, я обещал приготовить ужин, так что мне нужно лично выбрать продукты, чтобы порадовать Вас достойной трапезой. Вы предпочитаете мясо или рыбу?

Маркус вызывал смешанные чувства: гнева и восхищения одновременно. Естественно, он не первый, кто отказывался покорно склонить голову и признать себя рабом, но еще никто не сопротивлялся с такой элегантностью и очаровательным хулиганством.

- Хочешь ты того или нет, но тебе придется смириться с новым положением. У тебя нет другого выхода.

- Будем считать, что рыбу. Что же касается вашей фразы, то боюсь, это Вам придется смириться с тем, что меня невозможно... Осторожнее! – он подхватил меня под руку, заметив, что я споткнулась о камень и потеряла равновесие.

Его ладонь крепко и одновременно бережно удерживала меня за предплечье. Еще я успела отметить, что Вир тоже дернулся, но опоздал с подмогой.

Как интересно. Подчиняться Маркус не хочет, при этом проявить заботу, чтобы госпожа не прочертила носом мостовую – пожалуйста.

- Я в порядке. Можешь отпустить.

- Как скажете, - и вновь широкая теплая улыбка осветила лицо брюнета.

Как же сильно Маркус отличался от других рабов. Те, кто изначально бунтовали против необходимости служить, в подобной ситуации не стали бы помогать мне. Даже если бы я не просто споткнулась, а действительно упала, они бы просто стояли и смотрели, ожидая приказа помочь подняться.

Те же, кто протянул бы руку и удержал от падения, сделали бы это, чтобы заслужить мое расположение и добиться привилегий.

Но Маркус явно не собирался умасливать меня или выпрашивать поблажки. Вместо этого он продолжал вести себя так, будто равен мне по статусу. Дескать, ничего особенного: просто не дал упасть спутнице, как и подобает благородному мужчине.

- Это ремесло перешло по наследству от моей тетки, - я все-таки решила ответить на его вопрос.

Шла, стараясь не смотреть на Маркуса, и рассказывала, как переехала сюда из провинции по настоянию родителей. В

родном поселении было не так много вариантов работы. Там находились ткацкие мастерские, на которых трудилось большинство горожан. Другая альтернатива – пастбища овец, шерсть от которых шла на все те же ткацкие мастерские.

Отец мой занимался тем, что делал поделки из глины: кувшины, миски. Жили мы не богато, семья была большая, и возможности выгодно пристроить меня замуж тоже не предвиделось.

Тетке требовалась помощница, чтобы передать часть дел, и с легкой руки родителей я отправилась работать сюда, в Дом Покорности.

При родственнице дела шла в гору. Одни рабы сменяли других. В доме всегда было не менее дюжины воспитанников. Их держали в подвале, а на первом этаже, там, где я поселила Маркуса, раньше жила личная прислуга: повар, управляющий, горничные и охрана.

Я помогала, занимаясь обучением рабов. Втемяшивала в их головы основы этикета и хороших манер, рассказывала о мироустройстве, географии, искусстве, чтобы слуга мог составить приятную компанию господину, если тот пожелает.

Работа в целом нравилась. В ней было что-то благородное, просветительское. Тетка в свою очередь занималась дрессировкой, добываясь от подопечных покорности. Меня к наказаниям рабов не привлекала. Лишь изредка, и то по каким-то пустяковым провинностям.

Наше ремесло приносило весьма неплохие суммы с каж-

дого воспитанника. Мне доставалась небольшая часть, но я не жаловалась. Хватало и на гардероб, и на рукописи, и на украшения, и на диковинные вещицы навроде ламп для ароматических масел.

Я не рвалась заводить знакомства с аристократами, как это делала моя наставница. Не интересовалась наказаниями, не водила дружбы с работоторговцами. Мне казалось, что я так и буду всю жизнь заниматься лишь обучением рабов под строгим руководством тетушки.

Поэтому, когда она заявила, что желает отправиться в путешествие и оставляет дом и работу на мое попечение, я почувствовала себя так, словно меня столкнули с высокого утеса в холодное море, полное острых скал.

Но как я не упрасивала родственницу остаться, она была непреклонна. Твердила, что я вполне готова заниматься делом самостоятельно, и что это ненадолго, буквально на полгода, не больше.

Личных рабов тетка забрала с собой, заявив, что не собирается ограничивать свой комфорт даже в путешествии. Оставила мне средства для покупки новых.

А я... сглупила. Первые недели не хотела покупать прислугу, надеясь, что тетка выедет за пределы города и поймет, что путешествие – это не такое уж милое развлечение, как ей представляется. Тем более, что комфорт родственница ценила крайне высоко.

Я надеялась, что она помучается в тесной каюте корабля,

сойдет в ближайшем порту и вернется обратно.

Да и на тот момент не было острой необходимости в покупке личных рабов. В доме по-прежнему хватало тех, кого приводили на воспитание, и они вполне успешно заменяли собой прислугу. Было кому готовить, кому убирать. Вир занимался исключительно управленческими делами. Так что по началу все шло довольно неплохо.

Затем в городе произошло землетрясение. Мощное, страшное. Благо дом не сильно пострадал, но деньги, выделенные на рабов, пришлось потратить на ремонт трещин в стенах и другие мелкие поломки. Еще и часть из своих запасов отдать. Как только мастера видели дом, моментально завышали цены, думая, что денег у меня более чем предостаточно.

Впрочем, даже тогда у меня еще сохранялась возможность прикупить хотя бы одного личного раба. Если бы я откладывала на это деньги.

Раньше, когда рабы стоили дешевле и ко мне приводили по семь-девять человек в месяц, я получала по сорок дала-риев с каждого. Большая часть этих денег уходила на содержание огромного дома: растопку печей, водопровод и другие расходы, а также на еду для меня и рабов. В целом за три месяца я могла бы накопить на охранника или повара. Но я поступила опрометчиво и решила, что не нужно тратить деньги на личную прислугу, когда дом и так полон заказов. Продолжала скупать свитки для обучения, посещать обще-

ственные термы, выбирать вкусные вина и красивую одежду.

Но увы. В последний год дела в империи шли не слишком гладко, отчего поток рабов резко сократился. Цены на них выросли, и многие аристократы решили, что хорошо образованный раб – не такая уж необходимость. Тем более, в наше беспокойное время. Поэтому последние месяцы я перебывалась скромными заказами, хотя цена на мои услуги не сказать, чтобы сильно изменилась - с сорока до пятидесяти далариев за воспитание одного раба.

Чтобы просто выжить, мне нужно было получать минимум три заказа в месяц. И это только для того, чтобы оплатить расходы на содержание дома и купить еды. В прошлом месяце у меня было всего два раба, в позапрошлом - четыре. В этом месяце Маркус был первым. Будет ли кто-то еще – не известно. И даже если Фог пришлет кого-нибудь на воспитание, пройдет месяц, прежде чем я верну ему хорошо подготовленных рабов, которых он сможет продать и заплатить мне причитающуюся комиссию.

И все это время нужно будет на что-то жить, чем-то кормить воспитанников, закупать дрова для растопки печей. А дров уходит – будь здоров. Причем, система отопления построена не слишком продумано: она расходится по всему дому и нет возможности ограничить ее, отапливая лишь отдельные комнаты. Прогреть приходится все помещения, что выливается в весьма ощутимые расходы.

Что касается тетки, то ее полугодовое путешествие поряд-

ком затянулось. Прошло два года, а от родственницы не было вестей, что наводило на мысли о ее возможной гибели. С каждым месяцем становилось все труднее выживать, и я не знала, что делать дальше и откуда брать деньги.

Я думала о том, чтобы бросить дом. С одной стороны, мне было бы стыдно перед тетей, если бы она оказалась жива и, вернувшись на родину, обнаружила, что ее дом находится в заброшенном состоянии.

А с другой стороны, даже если я съеду из дома, у меня нет денег, чтобы снять достаточно просторное жилье, в котором я могла бы продолжать работу. Все, на что хватит денег – жалкая комнатуха, в которой даже для Вира не окажется места.

Я стала своего рода заложницей этого дома. И бросить нет возможности, и продолжать в нем жить не на что.

Разумеется, Маркусу я все это поведала вкратце, без подробностей, но все равно не ожидала, что захочется выговориться перед незнакомым мужчиной. Вроде собиралась только на его вопрос ответить, и сама не заметила, как разоткровенничалась.

Арамеец оказался хорошим слушателем. Да и я практически никому о настоящем положении дел не рассказывала, а выговорится давно хотелось. Но кому рассказать? Я не обрела настоящих друзей в этом городе. Все как-то больше знакомые по работе.

Есть несколько приятельниц из числа клиенток, но вести с

ними душевные беседы не только нежелательно, но и опасно. С ними можно перекинуться светскими сплетнями, встретившись где-то на мероприятии, обсудить последние новости, но не более. Начни я изливать перед ними душу, то на следующих день все клиенты будут знать о моих проблемах и начнут избегать меня.

В нашем городе рассуждают просто: если ремесленник хорош, то никогда не останется без работы. А если у него нет заказов, то сразу появляются вопросы к его уровню мастерства.

Так что своей честностью я бы добилась лишь того, что окончательно распугала всех клиентов. Вот и приходилось ото всех скрывать свое удручающее положение.

Маркус выслушал мою историю без насмешек, осуждения или картинного ужаса. Он только уточнил:

- Получается, Вы не сможете отказаться от моего перевоспитания ни при каких обстоятельствах?

- Все верно, - ответила я.

Мы подходили к порту, и из-за шума толпы приходилось повышать голос.

Какое-то время мы шли молча. Я рассматривала матросов, сходивших на берег: суetyщихся мальчишек, таскающих деревянные ящики с прибывшего торгового судна, девушку, высунувшуюся из окна второго этажа и радостно машущую кому-то платком.

День был солнечный, погожий. Воздух жадно впитывал

в себя запахи соленых волн, цветов и нагретых под лучами камней. Всюду гомон, шутки, окрики. Город кипел, настраивая на позитивный лад.

Благодаря залогу от Эйстерии у меня были деньги. На ближайшее время их должно хватить, а там, возможно, еще какой-нибудь заказ получу. Так что, еще не все потеряно. Прорвемся.

Тем более, что наша армия, по слухам, весьма успешно наступает, что позволяет надеяться на то, что в скором времени поток рабов вновь хлынет на наш рынок и жить станет проще.

Я было решила, что мы закрыли разговор, но Маркус, который до того молча шел рядом со мной в сторону рынка, неожиданно произнес:

- Мне очень жаль, что я невольно стал для Вас проблемой. Но как бы сильно ни сочувствовал Вашей ситуации, я не смогу заставить себя изображать послушного раба. Могу лишь пообещать не доставлять Вам слишком больших хлопот, не устраивать побегов и пробыть в доме до тех пор, пока у вас не появятся деньги с новых заказов, чтобы вы смогли компенсировать отсутствие полной выплаты за мою дрессировку.

Все это Маркус произнес серьезным и несколько печальным тоном.

Я закатила глаза, поражаясь самоуверенности этого мужчины. Интересно, все арамерцы такие заносчивые? Обещает

не сбегать. Ну надо же. Это при том, что сбеги он, и уже к вечеру стража приведет его обратно.

- Почему ты думаешь, что я не смогу тебя перевоспитать? Ты ведь даже не знаешь меня.

- Мне достаточно того, что я знаю себя, - пожал плечами Маркус.

Невозможный человек.

Ладно, если он хочет думать, что такой особенный – Дадлар ему в помощь. У меня бывали разные воспитанники, а учитывая, что на кону мое выживание – я тем более расстраиваюсь, чтобы Эйстерия осталась довольна и выплатила мне за арамерца всю сумму.

Я нарушила закон когда рассказала Саше про Закрытую Москву и магию. Из-за меня он оказался втянут в разборки кланов и едва не погиб. Все, что я в тот момент хотела - спасти его жизнь. Плевать какой ценой. Теперь меня преследует опасный инквизитор, а влиятельные кланы ведут на меня охоту.

Вас ждут:
 - Хороший парень и темный харизматичный инквизитор
 - Любовный треугольник
 - Магическая современная Москва
 - Опасности и сложный выбор между любовью и свободой
 - Счастливый финал
 Закрытая Москва. Охота на магичку - <https://litnet.com/shrt/iYdi>

ГЛАВА 3

Впереди виднелась рыночная площадь с галереей, опоясывающей ее по периметру. В галерее располагались лавки крупных торговцев. В основном тех, кто продавал товары, привезенные из других стран или местные ювелирные украшения, посуду, ткани.

Те, кто не мог позволить себе место под крышей, ютились под солнцем, раскладывая товары на деревянных столах, ящиках, в повозках или просто на мостовой в корзинах.

Опасно было приводить нового раба в столь многолюдное место, но выбора не было. Надеюсь, Вир не подведет и сможет помешать попытке сбежать, если вдруг раб решится на такое безрассудство.

Я заметила торговца морковью и решила купить овощей. Начала выбирать корнеплоды, когда ко мне подошел Маркус и положил руку поверх моей.

- Эти не бери. Они недозревшие, - произнес арамерец.

- Что?

Мой вопрос скорее относился к наглому поведению раба, чем к его фразе, но Маркус понял мою реплику по-своему.

- Посмотри, здесь зеленое основание. Морковка будет горчить. Идем, я тебе найду вкусную.

Я продолжала возмущенно смотреть на раба. Он понял причину моей реакции и раздраженно закатив глаза, попра-

вился:

- ИдемТЕ, госпожа, покажу как выглядит спелая сладкая морковь. Идемте, идемте, в конце концов мне тоже предстоит питаться этими продуктами, так что в моих интересах найти самые вкусные.

Я молча хватала ртом воздух, не в силах решить, что стоит сделать: отчитать нахала прямо здесь и сейчас, или действительно доверить ему выбор, раз он, похоже, понимает в этом?

Решив, что разобраться с Маркусом я и дома успею, со вздохом поплелась за этим невозможным мужчиной. Тем более, что он уже стоял возле соседней палатки и активно торговался, заявляя, что цена необоснованно высока и кара обрушится на столь жадного торговца.

Я взглянула на Вира, а тот ухмылялся! Правда, заметив, что я смотрю, он быстро спрятал улыбку за отрешенным выражением лица, но в серых глазах северянина продолжали плясать озорные искорки. Вот тебе и Рамона под кровать! Виру нравится, что какой-то выскочка вздумал мной командовать?

Однако, обнаружив, что военнопленный сбил пятую часть от начальной стоимости моркови и даже получил бесплатно пучок свежей зелени, мой гнев поутих. Если он и дальше будет так отчаянно торговаться, то я смогу неплохо сэкономить на продуктах.

- Вот, смотрите, она небольшая и яркая, - брюнет показы-

вал мне морковь, – верный признак, что окажется вкусной.

- Ты лучше скажи, откуда знаешь сколько она должна стоить? Ты ведь не местный.

- Да ну... - хохотнул Маркус. – Торговцы в любой стране одинаковы. Они всегда прибавляют сверх того, за сколько готовы продать. К тому же, не забывайте, откуда я родом. Арамерское царство всегда славилось торговлей. Это у нас, можно сказать, в крови.

- А еще у вас в крови, похоже, тяга к самовосхвалению, - хмыкнула я, наблюдая за напыщенным поведением брюнета. – Пойдем, нам еще мяса надо купить. И ты вроде как обещал приготовить рыбу.

Наш дальнейший час, проведенный на рынке, проходил по следующей схеме: Маркус находил продукты, доводил беднягу-продавца до икоты, торгуясь так, будто от этого зависели наши жизни. После чего с видом победителя и с трофеями в руках шел к следующей палатке.

Я бы так точно не смогла.

Давно заметила одну интересную особенность. Самые сильные чувства восхищения и негодования у нас вызывают люди, которые делают то, что мы сами себе не позволяем. Мы либо смотрим на смельчака восторженным взором, в тайне мечтая походить на него. Либо осуждаем, считая его поведение недопустимым, но лишь потому, что сами запретили себе так поступать.

Маркус вызывал восхищение. Я всегда боялась так дерз-

ко торговаться, опасаясь вызвать недовольство продавца. Но арамерец своим примером показал, что гнев торговца не так страшен. Да, некоторые были не в восторге от чрезмерной прижимистости Маркуса. Однако большинство, наоборот, с удовольствием включались в игру. Они рассказывали о своих товарах, спрашивали военнопленного, откуда он родом, делились секретами о том, у кого на рынке стоит покупать вино или фрукты, а к чьим прилавкам лучше не подходить.

За время, проведенное на рынке, Маркус успел перезнакомиться поменьше мере с десятком торговцев, большая часть из которых выражала надежду завтра вновь пообщаться с рабом.

Мы купили фасоль, свинину, лимон, пару апельсинов, крупную рыбину, головку сыра, капусту, лук и хлеб. По личному настоянию Маркус взял какие-то специи, уверяя, что с их помощью приготовит рыбу, от которой я вознесусь к богам. Надеюсь, это была метафора, означающая, что мне понравится вкус, а не что я умру после первого кусочка и отправлюсь к Далару.

Честно говоря, после морковки я закрыла глаза на дерзкое поведение раба. В какой-то момент мне даже начала нравится та страсть, с которой Маркус покупал продукты. Как он их рассматривал, обнюхивал, рассказывал, что может приготовить из этого.

Мой организм, до того через силу запихнувший в себя мало съедобный овощной суп, приготовленный Виром, каприз-

но скулил и требовал разрешить этому невероятному мужчине творить на рынке все, что тот сочтет нужным, лишь бы по итогу нас ждал обещанный ужин.

Это было абсолютно недопустимо с педагогической точки зрения, но я бы посмотрела на вас, посиди вы все последние месяцы на аскетичной диете. И не на такое закроешь глаза, особенно когда тебе пообещают, что к запеченной рыбе приготовят салат из свежих овощей с секретным соусом. Да пусть хоть весь рынок на уши поставит – лишь бы накормил.

Вернувшись домой, я устало рухнула на диван в гостиной, но любопытство не дало слишком долго разлеживаться. Из кухни слышались шум, грохот и, Рамон по вашу душу, пение! Маркус пел! И весьма неплохо.

Против такого я не смогла сдержаться и, хоть ноги гудели после долгой прогулки, отправилась посмотреть на бесплатное представление.

Зашла на кухню, а там брюнет во всю жонглировал овощами, сковородками, ножами. На счет жонглирования я, конечно, преувеличила, но обращался с утварью арамерец мастерски.

К моему появлению военнопленный успел разжечь очаг и начал разделывать рыбу. При всем при этом еще и пел, зараза. Да так красиво, что можно было заслушаться.

Я постаралась тихонечко подкрасться, пользуясь тем, что Маркус стоял ко мне спиной, но он все равно услышал мои шаги, обернулся. Добродушно улыбнулся, оборвав песню, и

пояснил, что собирается основную часть рыбы использовать для ужина, а из головы, плавников и хвоста приготовить на завтра ароматный бульон.

У меня и завтра будет вкусный обед! Потрясающе!

- О чем ты пел?

Я довольно неплохо знала арамерский язык, но не все слова в песне поняла. Очевидно, она была или на незнакомом мне наречии, или на языке древних арамерцев.

- Да в общем-то... - Маркус смутился, - Там нет глубокого смысла. Мне ее бабушка в детстве пела. В песне говорится о том, что наступает рассвет, по реке плывет лодка, которая несет к любимой.

- Спой ее еще раз, - попросила я, присаживаясь на лавку.

Маркус еще больше смутился, но не стал отнекиваться и затянул песню. Легкую, светлую, от которой так и веяло добром. Вернулся к рыбе, продолжая напевать. Натер ее специями, вложил внутрь кружочки лимона, сбрызнул оливковым маслом и отправил в печь запекаться. А сам взялся резать овощи на салат.

- Жалко, что тебя купила госпожа Эйстерия, - произнесла я, когда песня закончилась. - Потому что тогда я смогла бы пристроить тебя поваром в какой-нибудь богатый дом.

- Вот еще, - Маркус вновь решил возразить. - Я бы не стал готовить. Делать это по принуждению? Ни за что!

Я раздосадовано вздохнула.

Хорошо же все было. Тихо, умиротворенно. Ну вот чего

он опять ерепенится?

- Но ты ведь сейчас готовишь для меня, - сделала я очередную попытку образумить брюнета.

- Ты меня к этому не принуждала. Это была моя личная инициатива. К тому же я готовлю не для тебя, а для нас. Или ты планируешь съесть рыбу одна, а меня морить голодом? – он грозно вздернул бровь. - Нет, конечно, я пойму, на твоём месте мне бы тоже не захотелось делиться столь вкусным ужином, - Маркус театрально прижал ладонь к груди и соорудил жалобную гримасу: - Но если ты все же сжалишься перед голодным человеком и поделишься, то обещаю и дальше кормить тебя божественно-прекрасными завтраками, обедами и ужинами.

Разумеется, в моих планах не было намерения подвергать раба голодовке. Я действительно собиралась поделиться приготовленной рыбой, но его упрямство начинало раздражать. А ещё его нежелание обращаться ко мне на «Вы» и соблюдать дистанцию. Что я ему, подружка что ли? Или то, что я отношусь к нему по-человечески он воспринимает за слабость и начинает садиться на шею?

Его поведение весьма забавно для мужчины, но совершенно недопустимо для раба. И что самое скверное, если я и дальше продолжу закрывать глаза на его выходки, он окончательно обнаглеет, и тогда я точно не смогу выполнить заказ Эйстории. С этим нужно было что-то делать, причем немедленно. Так что пришлось выводить себя из добродушного

настроения и вспоминать, за что мне платят деньги.

- Ты вновь забываешься, раб! Мне надоело каждый раз тебя поправлять. Раз не можешь запомнить, как себя вести, то я помогу! – надеюсь, мой тон был достаточно суров. - Вир!

Вышла в коридор в поисках слуги. Тот оказался неподалеку, занятый работой в саду.

- Вир! – произнесла отчетливо и громко, чтобы Маркус обязательно услышал. – Иди и немедленно замочи розги. И перца красного добавь в воду. У нас сегодня будут воспитательные мероприятия.

А затем вернувшись, злобно ткнула пальцем в грудь зарвавшегося арамерца:

- Ты – собственность госпожи Эйстерии. Запомни это! Превжняя жизнь закончилась. Теперь ты – раб и должен выполнять приказы. Ко мне обращаться на «Вы» и добавлять «Госпожа»! За каждое неповиновение последует жестокое наказание. Так будет до тех пор, пока ты не научишься вести себя подобающе! Все понял?

Я ожидала либо гневных протестов, либо осознания, что он перешел все допустимые границы, но брjонет попросту отмахнулся от моих угроз!

- Давай сперва поужинаем, госпожа, а потом можешь хоть всю ночь меня воспитывать, - Маркус достал из печи рыбу, от которой шел пар и какие-то сумасшедшие ароматы пряных трав. – Посмотри какая красота!

Да Рамон тебя задери и по всему лесу раскидай! Он меня

вообще слышал?!

Мне очень хотелось приказать арамерцу поставить рыбу на стол и немедленно отправляться в дисциплинарную. Руки чесались прямо сейчас пройтись розгами, плевать что сухими, по его филейной части. Я была настолько взбешена нахальным поведением, что едва сдерживалась чтобы не перейти на крик.

Но рыба... Хватило одного только взгляда, чтобы мой желудок начал требовать перенести все воспитательные мероприятия на потом. Сперва эта золотистая рыбка, свежий хлеб, салат и хорошее вино, а потом уже все остальное. Желудок убеждал, что воспитательный процесс никуда от меня не денется. И что пороть Маркуса часом раньше или часом позже – не имеет значения. А вот рыба за этот час остынет и будет уже не такой вкусной.

- Бери рыбу и неси в столовую! А сам жди на кухне! – прорычала я, стараясь не смотреть на источник раздражения, чтобы не передумать.

Кажется, Маркус понял, что я на пределе и готова сорваться в любой момент, поэтому перестал злить меня. Молча отнес в столовую тарелки и налил вина.

- Приятного аппетита, госпожа, - произнес он подчеркнуто холодно, после чего удалился на кухню.

Успела подумать, что арамерец, похоже, решил обидеться, но потом отломил кусочек рыбы и вкусила настолько нежное филе, что выкинула из головы все лишние мысли и со-

средоточилась на еде.

Это было восхитительно. Ароматная сочная рыбка, с легкой кислинкой от лимона и пряностью трав. И немного сока, в который я с удовольствием макала хлеб. Лучший ужин за последнее время.

Стоило чуть утолить голод, как его место заняла совесть. Она считала, что лишить автора возможности попробовать собственное творение — это довольно скверный поступок. Да и чего я так взъелась? Парень просто упрямится и показывает характер. Ну так что ж теперь? Воспитаем.

Я пригласила Маркуса к столу и разрешила ему взять немного рыбы для себя и Вира. Конечно, это было неправильно, ведь рабам не следует питаться так же, как господам. Но, с другой стороны, мне казалось кощунственным не дать арамерцу попробовать то, что он готовил с такой любовью. Кроме того, я не могла не угостить Вира, который не меньше моего настрадался от скудности рациона.

- Приготовишь ещё порцию салата? Потому что этим я делиться не буду, - демонстративно придвинула к себе миску. Я уже успела попробовать немного и убедилась, что он был не менее вкусным, чем рыба.

- Как пожелаете, - Маркус все еще вел себя как обиженный мальчишка.

А что он хотел? Чтобы я спокойно смотрела, как он фамиллярничает со мной? Я и так была более чем добра к нему. Да и пусть обижается. Я ему в подруги не набивалась, и

хорошее отношение – дело десятое. Лишь бы покорно выполнял приказы. А то удумал: подчиняться не стану, готовлю по собственному желанию, на рынок тоже иду по собственной прихоти. Слишком много гонора.

Но как же он вкусно готовит!

Честно говоря, не хотелось, чтобы ужин заканчивался. Давно я не испытывала такого наслаждения. К тому же, окончание вечера тоже меня тяготило. Я и при тетке старалась увиливать от телесных наказаний, но там хотя бы рабы сами этого заслуживали своим поведением.

Маркус, разумеется, тоже виноват. Но в нем слишком тесно переплетаются нахальство и добрый заботливый нрав. В итоге гнев, вспыхивающий во время его наглых выходов, мигом гаснет, стоит брюнету проявить участие в мой адрес.

Не делают так рабы. Они либо с самого начала проявляют враждебное отношение, либо стремятся выслужиться. А этот и не выслуживается, и агрессии в мой адрес не демонстрирует. Ни хороший, ни плохой, пойдя разберись как такого воспитывать.

- Заканчивай с ужином. Пора заниматься твоим воспитанием, - я зашла на кухню в тот момент, когда Маркус допивал вино, рассказывая Виру какую-то историю.

При моем появлении брюнет резко оборвал повествование и насмешливо уточнил:

- Наконец-то мы перейдем к более близкому знакомству? Что ж. Ведите, гас-па-жа!

Последнее слово он произнес противным голосом, растягивая по слогам. Этот проклятый брюнет одной фразой разбивал все мое миролюбивое благодушие. Если после ужина я подобрела настолько, что готова была ограничиться воспитательной беседой, то теперь мой решительный настрой вновь пробудился.

- О да. Сейчас мы познакомимся гора-а-аздо ближе! – надеюсь, мой голос звучал угрожающе.

- Звучит заманчиво, безымянная незнакомка, - Маркус не остался в долгу и сверкнул глазами, бросая мне вызов. Дескать, мы еще посмотрим кто кого перевоспитает.

ГЛАВА 4

Я чуть подтолкнула раба к выходу из кухни, сама взяла факел и подожгла от кухонного очага. Если сейчас дам с Маркусом слабину, то он решит, что может и дальше чувствовать себя хозяином положения, и творить все, что ему вздумается. А в моем нынешнем финансовом состоянии мне нельзя так рисковать.

Мы прошли по коридору, в котором гулял свежий вечерний ветер, проникавший из внутреннего сада и разносивший по помещениям прохладу. Дисциплинарная комната находилась на второй половине дома, там, где жили рабы. Вход в нее прятался за массивной деревянной дверью, расположенной неподалеку от кроватей.

Дверь открылась со скрипом, встречая нас густой темнотой. Здесь не было окон, и свет с улицы не проникал за эти стены. Пламя факела лизнуло по каменной кладке, нашло собратьев и поделилось огнем, осветив стол, расположенный возле входа. На нем лежали кожаные плети, широкие ремни, кнуты, хлысты. Здесь же стояла бадья с замоченными розгами. У противоположной стены находилась лавка для порки, которой я обычно и ограничивалась.

В дальнем конце помещения была сколоченная рама, значительно превосходившая по высоте человеческий рост. В ней имелись четыре кольца (два вверху и два внизу) и про-

детые через эти кольца цепи, которые можно было закрепить на оковах раба так, чтобы он стоял на месте с широко расставленными ногами и руками, не способный увернуться от ударов.

Помимо рамы имелся столб, к которому можно было приковывать раба и ящик с различными инструментами на случай, если обычных плетей окажется мало. Той дальней частью комнаты я не пользовалась. Раму, столб и дополнительные инструменты любила эксплуатировать тетушка.

- Это и есть дисциплинарная комната? – Маркус окинул взглядом мрачное помещение. – Какое интересное название для пыточной.

- Снимай тунику и ложись, - я указала на лавку.

- Вот так сразу? Без предварительных ласк? – брюнет продолжал ерничать, скидывая одежду на пол. – Раздеваться до гола? Ты хочешь быть сверху или снизу?

Ничего, веселись. Сейчас тебе будет не до смеха.

Я молча достала розги, стряхивая с них капли. Замоченные в воде с красным перцем, они не только больно жалили, но и вызывали острый зуд, который сохранялся еще несколько часов после наказания.

- На живот! - скомандовала, увидев, что Маркус лег на бок и принял соблазнительную позу, выгодно демонстрирующую красивое телосложение.

- Значит, предварительные ласки все-таки будут, - усмехнулся он, переворачиваясь лицом вниз. – Я так понимаю, ме-

ня ждет массаж?

Я не собиралась поддерживать его настрой и, наоборот, была максимально серьезна.

Первый удар вышел «примерочным». Розги легко и звонко отскочили от ягодиц мужчины.

- Решила размять мою задницу? Отличная идея. А то все последние дни... - договорить он не успел, прерванный вторым ударом. Тот вышел более весомым, заставив Маркуса вздрогнуть.

- ... я провел в основном в сидячем положении и мой зад изрядно затек.

Еще удар. Кожа начала наливаться багрянцем.

- Можно еще спинку помассировать?

Снова удар.

Я старалась не обращать внимание на шуточки Маркуса, продолжая методично раскрашивать ягодицы широкими красными полосами. От легких ударов перешла к тяжелым, с оттяжкой, оставляющим яркие следы на коже.

В какой-то момент брюнет замолчал, шумно вдыхая воздух. Наконец-то его начало пронимать. Действо мне не доставляло ни малейшего удовольствия, но такова работа. В сущности, я не отличалась от обычных школьных учителей, которые тоже использовали розги для наказания непослушных учеников. Разница была лишь в том, что передо мной не маленький хулиган, а взрослый человек, который не желал признавать свое положение.

Отсчитав пятьдесят ударов, я остановилась, разглядывая раскрасневшиеся полушария. После такого брюнет еще долго не сможет нормально сидеть.

Заметив, что я остановилась, Маркус обернулся и спросил:

- Ну что, прелюдия закончена? Теперь приступим к сексу?

Эта фраза меня буквально взорвала изнутри! Я-то рассчитывала, что после такого арамерец умерит легкомысленный настрой и пообещает впредь не совершать ошибок. Пятьдесят ударов - это более чем прилично. Даже самые упрямые юноши после второго десятка молили о пощаде. А тут пятьдесят - и ни капли раскаяния!

Да Рамон с ним с раскаянием. Злость, обида, ярость. Хотя что-то привычное, с чем я знаю, как работать. Вместо этого вновь его дурацкие шуточки и поведение, демонстрирующее, что плевать он хотел на все мои наказания.

- Вставай! – ох как я была зла в тот момент! – Иди сюда.

Указала на раму. Значит, для него порка сродни развлечению? Хорошо, посмотрим, как он теперь заговорит.

Зафиксировала Маркуса внутри рамы, заставив его поднять руки над головой и широко расставить ноги. Брюнет совершенно не сопротивлялся, чем еще больше злил. Наоборот, с любопытством наблюдал за происходящим, позволяя надеть на себя наручи и прикрепить их к цепям. Накинула набедренную повязку на его бедра, чтобы не отвлекал меня своим достоинством. Подтянула цепи, вынуждая арамерца

развести конечности на максимум своих возможностей.

Розги, значит, для него сущая ерунда? Хорошо, милый, сейчас возьмем что-нибудь из арсенала тетюшки.

Мой взгляд остановился на плети - длинной, черной, из прочной кожи. Выглядела плетка пугающе. Пару раз я держала ее в руках, и знала, что это норовистая штука. Чтобы нанести точный удар – нужно приловчиться. Но да Рамон с ней. Куда попадет – туда попадет.

Подошла к еще улыбающемуся Маркусу. Посмотрим, как теперь запоешь.

Обошла его со спины, примерилась, и в следующую секунду плеть со свистом разрезала воздух, оставив яркую полосу на спине.

Кареглазый издал приглушенный сип, и я обрадовалась. Наконец-то! Нашла, чем приструнить!

Еще несколько ударов оставили следы на загорелых мышцах раба. Я ждала вскриков, а еще лучше – мольбы остановиться. Но Маркус плотно сжал губы и не издавал ни звука.

«Ничего, он сдастся, - подбадривала я себя. – Просто более крепкий и выносливый, чем обычные рабы. Но сейчас и его проймет».

Еще несколько взмахов плетью. На оголенной спине появились кровоподтеки. Я видела, как вздрагивает тело Маркуса от каждого удара. Понимала, насколько это больно. И тем сильнее мне не нравилось отсутствие реакции.

Я помнила, как наказывала этой плетью рабов по указу

тетки. Хватало трех-четырех ударов, после которых несчастный начинал молить о пощаде. Сейчас я нанесла уже больше десятка, а Маркус не издавал даже стонов. И это плохо. Это хуже, чем плохо.

С каждым новым ударом отчаяние и паника охватывали меня все больше и больше. Или я заставлю Маркуса подчиниться, или мне конец.

Рука начала уставать. Наносить удары плетью совершенно не тоже самое, что розгами. Пару раз нечаянно я попала себе по бедру. Плетка отскочила и прошлась по мне концом, но кожу опалило так, что пришлось приложить усилия, чтобы не взвизгнуть от обжигающей боли. А этот упрямец продолжает молчать. Ни стонов, ни криков.

Он там живой хоть?

Я обошла раму, встав перед лицом брюнета. Лицо его покраснело, взгляд был расфокусирован. Жив. Но вид у него, далеко не такой бодрый, как в начале вечера.

- Все еще нравится мой массаж? – спросила я, надеясь услышать в ответ «уже не очень». Или хоть какой-то намек, что Маркус готов к переговорам.

Но вместо этого паршивец выдавил очередную улыбку.

- У вас прекрасные мануальные практики. Я буквально чувствую, как кровь разбегается по каждой мышце, приводя ее в тонус. А уж как сексуально вы выглядите с этой плеткой... ммм...

Да твою же душу да Рамону в задницу!

Злая на упрямство Маркуса и на проклятую госпожу Эйстерию с ее трижды проклятым заказом, я продолжила наносить удары еще яростнее и чаще. Маркус должен сломаться и хотя бы вскрикнуть! Должен! Иначе я в ловушке!

Но вместо этого после очередного удара вскрикнула я сама и уронила плеть. Запястье правой руки пронзило такой болью, что на секунду у меня в глазах потемнело.

- Что случилось? – встрепнулся Маркус.

Сжала зубы, чтобы не стонать, придерживая руку и пятясь спиной к тумбе.

- Да что с тобой? – раб извивался, пытаюсь повернуть голову в мою сторону.

- Все нормально, - сейчас мне меньше всего хотелось общаться с военнопленным. Пусть бы он провалился под землю вместе со своей госпожой Эйстерией.

Боль была такая, что, если бы не раб – я бы выла в голос.

- Иди сюда! – прозвучал приказ, и я сама не понимая почему, покорно подошла к мужчине.

- Рука?

Молча кивнула.

- Пошевелить ею можешь?

Попробовала, но это вызвало новую волну мучений, и я не смогла удержаться от вскрика.

- Отцепи меня! – потребовал арамерец.

Мне кажется, в тот момент боль настолько притупила мое сознание, что я мало что соображала. Отстегнула его правую

руку, а дальше он справился сам. Я же продолжала стоять в каком-то оцепенении, кусая губы, чтобы не выть, и боясь пошевелить запястьем.

- Покажи, - Маркус потянулся к моей руке после того, как освободился от цепей.

Прикосновение выдало очередную болезненную вспышку, я попыталась выдернуть кисть, но он не отпустил.

- Ш-ш-ш... потерпи чуть-чуть. Я аккуратно. На перелом не похоже. Скорее, это вывих или растяжение. У тебя есть в доме какие-нибудь лечебные мази на такие случаи?

- Есть, - ответила я.

- Это хорошо. Но сначала приложим что-нибудь холодное, чтобы рука не опухла.

Маркус повел меня в столовую и усадил, чтобы я смогла положить травмированное запястье на столешницу. На шум пришел Вир.

- Слишком усердно перевоспитывала. Теперь сидит с растяжением, - пояснил Маркус в ответ на удивленный взгляд северянина. - Будь добр, принеси, пожалуйста, чистую тряпку.

Вир послушно кивнул. Сам Маркус раздобыл миску с холодной водой. Принесенную тряпку он тщательно смочил и приложил к моей руке. Прохладная влажная ткань приятно обволокла кожу.

Удивительно, но не только я, но и Вир слушались Маркуса, будто так и надо. Ладно я слегка растерялась от боли, но

мой северянин почему спокойно подчиняется приказам постороннего человека?

- Сейчас подержим немного в холоде, чтобы не было отека, смажем мазью и перевяжем. Мы так в армии делали. Два-три дня и все пройдет. Давай вина принесу? Поможет притупить боль. Вир, где у вас вино? И мазь захвати, пожалуйста.

Мужчины вновь ушли в кладовую, а я сидела, глядя на ноющую кисть и пыталась осмыслить происходящее. Оно не желало укладываться в голове.

Я только что исполосовала Маркуса плетью, и как бы он не храбрился, понимала, что ему пришлось только что вытерпеть. Но при этом он ни разу не пожаловался. А стоило мне повредить руку, моментально бросился помогать.

Как это все понимать?

Рабы так себя не ведут.

Но должно же быть какое-то разумное объяснение. Что это? Попытка добиться моего расположения? А смысл, если при этом он демонстративно подчеркивает, что не согласен мириться со статусом слуги? Или он надеется, что я сжалюсь и решу оставить его у себя? А может быть, он действительно настолько крепкий и выносливый, что все мои наказания для него — полнейшая ерунда? Если так, то что мне тогда делать? Как его воспитывать?

- Вот, выпей, - Маркус принес мне бокал вина.

Отхлебнула и закашлялась.

- Ты его не разбавил? Надо было с водой размешать.

- Женщина, ты в своем уме? Как можно портить благородный напиток водой?

- Да это пить невозможно! Слишком крепко. Вир, сделай нормально.

- Давай сам разбавлю, - проворчал Маркус. – А еще говорят, что это мы – варвары.

Арамеец явно пожадничал с водой, и вино все равно вышло крепким, но Рамон с ним. Сейчас это даже к лучшему. Рука до сих пор ныла так, что хоть плачь.

- Сильно болит? – мы с Маркусом одновременно задали один и тот же вопрос.

- Сперва ты, - усмехнулся он. – Как запястье?

Было так необычно видеть сочувствие от раба, да еще и после наказания.

- Жить буду, но сама не ожидала, что так получится.

Заметила, как Вир поставил возле нас заживляющую мазь и молча удалился. Что за такая симпатия у моего северянина к этому вояке? Ни с одним другим новеньким Вир бы меня вот так один на один не оставил. А тут прошло всего полдня, а между мужчинами как будто бы даже какие-то приятельские отношения возникли. При том, что Вир крайне неохотно подпускал к себе новых людей и всегда держался отстраненно. Сейчас же вел себя так, словно знает Маркуса уже не первый год, хотя видел его впервые.

- Слишком сильно замахнулась? – брюнет осторожно взял мою кисть, осматривая.

- Да, с непривычки. Обычно я, знаешь ли, не размахиваю плеткой налево и направо. И вообще мне крайне редко приходится наказывать рабов.

- Выходит, я у тебя особенный? – спросил, бережно нанося мазь на запястье.

- Когда ты начнешь обращаться ко мне на «Вы»? – я чуть поморщилась от боли, но терпеливо дала себя намазать.

Маркус устало вздохнул.

- Это настолько обязательно?

- Да.

- Но ведь смысла никакого. Я уже сказал, что не стану подчиняться. Пойми, я до сих пор здесь только из-за твоего бедственного положения. Как только к тебе приведут новый заказ, я сразу уеду на родину.

Настала моя очередь тяжело вздохнуть: опять эти его разговоры, что он якобы может сбежать в любой момент. Вот ведь упрямое создание. Упрямое и очень заботливое. Сидит, руку мне перевязывает.

- Послушай, я понимаю, что рабство тебе не по нутру. Но давай посмотрим на эту ситуацию с другой точки зрения, - я решила сменить воздействие с силового на словесное. – Повернись, я тебе спину намажу. Во-первых, Эйстерия хоть и не самая приятная госпожа, но и далеко не худший вариант. Если бы не она, то гарантирую, что сейчас ты был бы уже или на каменоломне, или на галерах. Условия там чудовищные. По сравнению с ними, приказы Эйстерии выглядят безобид-

ными шалостями, - говорила, а сама наносила крем на исполосованную кожу Маркуса, стараясь прикоснуться как можно мягче, чтобы не добавлять неприятных ощущений сверх тех, что уже имелись. - Поверь, в каменоломнях рабы дольше пары месяцев не выживают. А у госпожи Эйстории сможешь жить с комфортом, в роскошном доме. Более того, если ты ей понравишься, то у тебя появится и своя комната, и личная прислуга.

- То есть ты предлагаешь мне жить за счет ненормальной садистки, терпеть унижения, и все ради того, чтобы пожить в красивом домике с прислугой? Женщина, за кого ты меня принимаешь? – Маркус даже повернулся от возмущения, всем своим видом демонстрируя, насколько для него оскорбительна моя идея. – Я лучше погибну в каменоломне, чем буду перед кем-то ползать на коленях и выполнять чужие прихоти!

- Не крутись, дай домажу. И почему сразу жить? Я заметила, что ты очень хорошо умеешь находить подход к людям. И на рынке с торговцами, и Вира буквально за пол дня к себе расположил. Да и, чего греха таить, хороший ты мужчина. Упрямый, но хороший.

Маркус опять повернулся, но на этот раз лицо его сияло от улыбки.

- Ты тоже. Упрямая, но хорошая.

Ну вот, весь настрой сбил. Пришлось заново собираться с мыслями.

- Это я к чему? У тебя наверняка получится найти подход и к Эйстерии. Ты явно умеешь нравиться женщинам. И верховодить ими. Уверена, не пройдет и недели, как ты подомнешь хозяйку под себя. Я ведь права? А там уже договоришься, чтобы, допустим, стать управляющим в ее доме. Или личным секретарем. Поваром.

- Женщина! – Маркус встал, не дав мне домазать спину до конца. – Ты меня слышишь? Мне без разницы в каком я буду статусе. Я не собираюсь никому прислуживать. Ни поваром, ни секретарем, никем!

- А лучше сдохнуть на руднике, да? – я тоже встала.

- Да!

- Дурак!

Видела, как с губ Маркуса было готово сорваться ответное ругательство, но сдержался. Смолчал.

- Ляг на лавку, надо еще твой зад намазать, - буркнула я.

- Сам намажу, - сейчас арамерец походил на взъерошенного воробья. Нахохлившийся, ершистый. – Я не собираюсь оставаться у Эйстерии.

- Маркус, - примирительно положила левую, не травмированную руку ему на плечо, - я все прекрасно понимаю. Но Эйстерия так просто своего не отдаст. Если она тебя выбрала, то тебе остается только смириться. Не получится у меня перевоспитать, отдаст в другой дом. В третий, четвертый. И в отличие от меня, владельцы других домов с рабами не церемонятся.

- Ты тоже пойми, - brunet взял мою левую руку и поцеловал кончики пальцев, - мне не страшны пытки или смерть. Я и не такое видел на поле боя. Честь и гордость для меня в сто крат дороже. Поэтому, как я говорил еще во время прогулки, могу остаться, пока у тебя не появятся деньги, чтобы вернуть за меня задаток, а дальше – уж извини. Буду действовать по обстоятельствам. Я не собираюсь становиться чьим-то рабом. Мое место на войне, а не в покоях избалованных аристократок.

- И ты извини, но мне придется вновь отправить тебя в дисциплинарную. Мне нужны деньги Эйстерии в полном объеме.

Извинялась я вполне искренне. Мне действительно было жалко издеваться над Маркусом. Хороший нормальный мужчина, не злой, не агрессивный. Наоборот, и ужином вкусным накормил, и руку перевязал несмотря на то, что предшествовало моему вывиху. Любой другой озлобился бы после порки, а у этого хватило великодушия не отвечать злом на зло. Я его теперь даже больше стала уважать. И оттого еще меньше хотелось ломать этого гордого арамерца.

Но иначе нельзя. Даже если я дождусь заказов, пока деньги за них получу, пока то се. И это еще если дождусь.

Нет у меня другого выхода. Просто нет.

Маркус не сопротивлялся. Не злился. Похоже он и правда повидал на войне вещи пострашнее, раз так спокойно реагировал на наказания. Пороть его я больше не собиралась.

Сила на него не действовала, убеждения тоже не помогли.
Придется действовать иначе.

ГЛАВА 5

28 дней до визита Эйстерии

Я никогда не использовала этот метод, но видела, как это проделывала тетка. Раба фиксировали в раме, где ему приходилось стоять чуть ли не на цыпочках с поднятыми руками. С двух сторон от него ставили зажженные факелы, а рядом на столе оставляли сосуд с журчащей водой.

И все. Никаких избиений. Раб оставался в привязанном положении. Его тело очень быстро начинало уставать: мышцы ног забивались, а плечи и руки затекали. Горящие факелы находились достаточно близко от лица, обдавая жаром и не давая заснуть. Текущая вода постоянно напоминала о жажде и потребности сходить в туалет.

Обычно, первыми отказывали руки - они болели, немели и затем переставали ощущаться. Начинала ныть спина, плечи, ноги. Боль усиливалась с каждой минутой.

Затем не выдерживал мочевой пузырь. После опорожнения прямо себе под ноги добавлялась еще и вонь.

Самым последним испытанием становилась жажда. Ее не выдерживал никто.

По моему мнению, плетъ была более гуманным наказанием. Да, это было больно, но вполне можно было вытерпеть. А эту бесконечную пытку, давящую на психику, не выдерживал ни один раб.

Закрепила Маркуса, подвесив за цепь, установила факелы и достала журчащий сосуд.

- Интересное наказание, - прокомментировал брюнет, - Женщина, у тебя определенно хорошая фантазия.

На его лице снова не было ни капли страха или гнева.

Сложно с таким рабом, но посмотрим, как он будет себя вести спустя пару часов.

- Вир останется неподалеку. Скажи, как будешь готов пообщаться.

- Мое решение не изменится.

Зря я задумала подвергнуть Маркуса этой процедуре на ночь глядя. Нельзя надолго оставлять раба в таком положении — требуется регулярно проверять его самочувствие. Но и затягивать тоже не следует, раз стандартные методы не дали результата.

Ополоснулась перед сном, попросив Вира нагреть воду. Дров мы сегодня так и не купили, поэтому я продолжала экономить те остатки запасов, что лежали в подвале.

Маркус не выходил у меня из головы. Все-таки куда как проще, когда в доме много воспитанников. Вроде кажется, что уходит больше времени и сил на обучение, но в тоже время меньше волнуешься о каждом из подопечных. Да и те быстрее привыкают к послушанию, глядя друг на друга.

Об этом эффекте писал Сотарий в своих трудах. Он рассказывал, как меняется поведение человека, когда он попадает под влияние группы. Кроткие и послушные могут пре-

вернуться в настоящих бунтарей, если все вокруг будут вести себя агрессивно и побуждать к такому же поведению. И наоборот, самые дерзкие и наглые умирятся, если окружить их тихими послушниками.

Разумеется, изменения происходят постепенно. И зависят от того, как группа будет вести себя по отношению к тому, кто выбивается из стаи. Начнет ли она поощрять изменения или станет гнობить за отличия, и тем самым превратит человека в изгоя.

По-хорошему, мне полагалось бы лечь спать, но я ждала, что с минуты на минуту придет Вир, давая понять, что арамерец готов к переговорам.

Чтобы скоротать время, устроилась в саду на скамейке с рукописью в руках. Положила подушки под спину, укуталась в теплый плащ, придвинула поближе лампу с зажженным маслом и постаралась сосредоточиться на трудах иллейского философа. Но тщетно. Смысл ускользал от меня. Я постоянно отвлекалась, бросая взгляды на дверь, ведущую в комнату прислуги и прислушиваясь к звукам. Не выйдет ли Вир?

Пошел третий час, а Маркус не думал сдаваться. В результате сдалась я. Не выдержала томительного неведения и отправилась посмотреть, как самочувствие военнопленного.

Брюнет, при виде меня, улыбнулся и попытался придать лицу бодрости и веселья, но было заметно, что показная жизнерадостность дается ему с трудом.

- Как ты? – факелы освещали уставшее лицо Маркуса.

- Прекрасно. Спасибо, что позаботилась чтобы я не замерз, - он кивнул на пламя. - Очень мило с твоей стороны. И звуковой фон тоже оценил. Как будто находишься в лесу у ручья.

- Ты ведь понимаешь, что напрасно вредничаешь? – ласково произнесла я, подходя ближе и убирая волосы со взмокнувшего лба мужчины. – Если бы не твое упрямство, сейчас принял бы душ, поел, возможно я бы даже согласилась разделить с тобой вино за приятной беседой. Разве плохо?

Маркус прищурил один глаз, лукаво оглядывая меня с головы до ног.

- Чего ж плохого в том, чтобы провести вечер с красивой девушкой?

- Вот и я о том же, - мне показалось, что я нащупала нужные слова, которые помогут переубедить раба. – Я понимаю, если бы тебя купили чтобы ты возился с навозом или чистил унитазы. Все что от тебя хотят – любви и заботы. Да, в приказном тоне, но суть ведь не меняется. Госпожа Эйстерия – одинокая дама, которая хочет проводить ночи в горячих мужских объятиях. У тебя не будет каких-то сверх непосильных задач. Заняться сексом, помочь принять ванну, сопровождать во время прогулки.

- Мы точно говорим об одном и том же человеке? – хохотнул Маркус. – Тебя послушать, так она милейшее создание.

- Да, у нее тяжелый характер...

- А еще она любит издеваться над своими рабами и смот-

реть на их унижения. Я ничего не путаю?

- Только не говори, что тебе не удастся найти к ней подход, - я не поддавалась на его провокацию и продолжала гнуть свою линию. – Ты ведь умеешь вызывать нужные эмоции и знаешь, как произвести впечатление на женщину.

- Спорить не буду, - он безразлично поджал губы. – Вот только мне это не интересно. Я не собираюсь спать с кем-то по приказу. И влюблять в себя тоже не имею ни малейшего желания.

Разговор вновь пришел к тому, на чем мы закончили в прошлый раз. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

- То есть, по-твоему, лучше вот так вот висеть, чем проявить мудрость?

- Как запястье? – спросил арамерец.

- Не уходи от темы. Лучше подумай о перспективах. Давай я тебе расскажу, что тебя ждет, - я встала и подошла ближе к Маркусу, отодвинув один из факелов, чтобы он не мешал общению. – Если ты продолжишь показывать характер, я еще какое-то время помучаюсь с твоим перевоспитанием. Признáю, что ты безнадежен. Верну тебя госпоже Эйстерии, та наверняка попробует отдать тебя кому-то еще. Какие будут методы в другом Доме Покорности – не знаю, но поверь, гораздо жестче и унижительнее. В итоге тебя либо сломают, и ты все-таки согласишься быть рабом у Эйстерии, либо закончишь жизнь на рудниках. Но прежде, чем это случится, пройдет не один месяц бесконечных пыток и унижений. Не

от Эйстерии, так от тех, кто будет тебя перевоспитывать

Маркус фыркнул, всем своим видом показывая, что его этим не запугать.

- Но есть и другой вариант, - голос мой стал вкрадчивым, - Ты соглашаешься помочь мне. Никто не говорит, что ты должен искренне и по-настоящему служить. Представь, что это игра и ты лишь изображаешь раба. Касаемо времени, пока ты будешь находиться в моем доме, то могу обещать, что мы обойдемся без пыток и унижений. Пристрастия Эйстерии изучим в теории, без применения на практике. Я расскажу, как наилучшим образом угодить госпоже, что она любит, к чему испытывает слабость, - мои пальцы заскользили по его обнаженной груди Маркуса, и я отметила, как его ноздри расширились, шумно вбирая воздух. - После чего ты сможешь с легкостью завоевать ее расположение и крутить ей как тебе вздумается, – подушечки погладили его подбородок, провели по губам и ускользнули, когда он попытался их поцеловать. – В результате не Эйстерия будет управлять тобой, а ты ей.

- Ты слишком высокого обо мне мнения, - промурлыкал брюнет. - К тому же я уже сказал, что не собираюсь перед ней выслуживаться.

- И все-таки подумай, - я приблизилась максимально близко к его уху и произнесла шепотом: - С одной стороны перспектива умереть на рудниках, с другой – при твоём обаянии ты легко сможешь командовать в доме Эйстерии даже

будучи формально в статусе раба.

Не удержавшись, я лизнула мочку его уха. С моей стороны это было необдуманное хулиганство, совершенно идущее вразрез с воспитательным процессом, но мое тело жило своей жизнью, в обход разума. Стоило приблизиться к арамерцу вплотную, как появилось нестерпимое желание обнимать его, гладить, прикасаться к коже, целовать. Не помню, чтобы хоть кто-то вызывал у меня подобную реакцию.

Но нужно было заставить себя вспомнить про благоразумие, иначе толку от моего воспитания не будет.

- У меня есть другое предложение, гораздо более заманчивое для нас обоих, - томно прошептал Маркус. – Ты снимаешь с меня оковы, мы идем в спальню и у тебя будет самая горячая ночь в твоей жизни.

Вот о чем я и говорила! Сама провоцирую мужчину.

Куда мозг подевался?

- Все-таки подумай над моим предложением, - произнесла я, отойдя на безопасное расстояние.

- Ты тоже. Поверь, не пожалеешь.

Каков наглец, а?

Но хорош, паршивец! Если бы это не был раб Эйстории, с высокой долей вероятности я бы поддалась на его соблазны.

Вир ждал меня в соседней комнате, стоя неподалеку у двери.

- Проверяй его каждые пол часа. Как поймешь, что он уже на грани – разбуди меня.

Молчаливый слуга кивнул.

Хотелось бы сказать, что я спокойно отправилась спать, однако, куда там. Попыталась заснуть, но Рамон задержал этого упряма — он не желал выходить из головы. Перед глазами маячили мускулы на его руках, отблески желтого пламени на широкой груди, подбородок с прорезавшейся щетиной, губы...

Вернулась к Виру, дав задание приготовить горячее пряное вино и отнести его во внутренний дворик. Мне хотелось верить, что я смогла зародить сомнения в голове Маркуса. С его характером он действительно, чего доброго, мог бы подмять под себя госпожу Эйстерию. Мне и самой стоило больших усилий не поддаваться на его провокации.

Было бы проще, если бы его бунт против рабства проявлялся в привычной агрессии: прямолинейной, озлобленной, яростной. Управлять такими людьми гораздо легче. Несмотря на то, что они выглядят более грозно, вся их злость исключительно от внутренней слабости.

В случае с Маркусом я постоянно ощущала, насколько он сильнее меня. И не физически, а морально. Его забота, участие, соблазнение — это способы показать, что, даже будучи закованным и лишенным свободы, он считал себя сильнее.

Вир принес пряного вина. Пар дразнил ноздри специями и запахом алкоголя, бока чашки согревали озябшие пальцы. Шерстяной плащ укутывал плечи, а ночной воздух обдувал лицо прохладой. Идеальная обстановка, чтобы собраться с

мыслями и подумать, как действовать дальше.

Продолжать заманивать обещаниями комфортной жизни? Или, наоборот, ужесточить давление и постараться сломать его волю? Правда, я опасалась, что в этом случае Маркус озлобится и перестанет идти на контакт. Сейчас он, по крайней мере, готов хоть к каким-то переговорам.

Представила, что может быть, если я действительно смогу сломать его характер. Скорее всего это закончится тем, что брянет полностью уйдет в себя и потеряет интерес к жизни. Он и сейчас-то не особо за нее держится, и на словах готов умереть хоть сию минуту. Однако на деле ему очень нравится жить. В нем кипят страсти, он жаждет секса, вкусной еды и развлечений.

Если перестараться, то вместо озорного бунтаря получу безвольную куклу, не реагирующую ни на слова, ни на побои, ни на ласки. Если же я дам слабину, то арамерец окончательно поймет, что я бессильна против него.

Ситуация была скверной и почти безвыходной. Вся надежда была на то, что Маркус соблазнится на мои уговоры. Потому что других идей у меня не осталось.

Я успела выпить горячего вина и промерзнуть окончательно, вернуться в спальню.

Поворочалась с боку на бок, крутя в мыслях варианты развития событий и даже уснуть, когда Вир тронул меня за плечо.

- Дозрел?

Слуга кивнул.

Мне не терпелось накинуть первое попавшееся одеяние и побежать в дисциплинарную комнату, но я заставила себя остановиться. Спокойно умыться, облачиться в тунику, прибрать волосы в высокий хвост и только после этого размеренным шагом направилась к Маркусу. Проходя мимо внутреннего двора, заметила, что уже рассвело.

- Доброе утро, как спалось? – спросила я у раба. Он выглядел изможденно.

- Мне нужно в туалет, - хмуро произнес он.

О как. Ночь изрядно потрепала его нервы. От показного веселья не осталось и следа.

- Согласись вести себя как подобает рабу, и я сразу отпущу тебя в туалет.

- Я уже сказал, что для меня это неприемлемо.

- Что ж. Значит ты вполне можешь сходить под себя и висеть дальше, - я безразлично пожала плечами и повернулась, чтобы уйти.

- Нет! – окрик заставил обернуться.

Маркус выглядел встревоженным. Это что-то новенькое.

- Мне нужно в туалет. Потом можешь вешать обратно, истязать плетями и все что хочешь. Но мне надо в туалет!

Как интересно получается. То есть он готов терпеть пытки, но не может позволить себе обмочиться? Хм...

Я молча вышла из комнаты, мне нужно было обдумать свое открытие. Похоже я нащупала слабость военноплен-

ного. Изначально я думала, что вся проблема в излишнем свободолобии и принципах, но оказалось, что дело в другом. Похоже, у арамерского воина было слишком развито самолюбие. Очевидно, в его глазах терпеть удары плетью казалось чем-то героическим и мужественным, а вот висеть, облитый собственной мочой – позорным. Значит, для него крайне важно то, как он выглядит в чужих глазах? Это можно использовать.

Я вернулась к военнопленному, еще не до конца понимая суть своей затеи, но зная, что нужно действовать немедленно, пока брюнет способен терпеть позы организма.

- Предлагаю компромисс. Я снимаю тебя с рамы. Ты спокойно идешь в туалет, принимаешь душ, завтракаешь и даже немного спишь. А взамен ты обещаешь попробовать две недели вести себя как подобает слуге.

- Нет. Я солдат, а не раб.

«Рамонов арамерец! Можешь ты хоть немного подумать над моим предложением?»

Мне стоило огромных трудов сдержать раздражение. Но я не позволила эмоциям одержать верх и продолжила спокойно увещевать:

- Подумай, что для тебя унижительнее – обмочиться прямо на моих глазах или всего лишь две недели заботиться обо мне?

«Служение» я подменила «заботой», решив, что так Маркусу будет проще согласиться на мои условия.

- Что входит в понятие заботы о тебе? – спросил он сердито, но, похоже, дело начало сдвигаться с мертвой точки.

- Кормить. По-моему, это ты и сам готов был охотно делать. Топить печь, помогать Виру с уборкой и... - мои интонации изменились, став мягче и завлекательнее, - помогать принимать мне ванну. Кто-то же должен помыть мою спинку, и руки, и ножки... и грудь.

- Ты всем рабам позволяешь прикасаться к своему обнаженному телу? – голос военнопленного вновь стал жестче.

Вопрос застал меня врасплох. Обычно мне помогали купаться рабыни, но за их отсутствием я использовала и юношей. Я не видела в них объекта для страсти, это была обычная помощь: нагреть воду, зажечь благовония, добавить в воду масла, помыть. Процедура не подразумевала сексуального подтекста, но мне показалась удачной идея выставить для Маркуса все в таком свете, чтобы у обычного действия появился налет чувственного соблазна.

Однако, вместо желаемого эффекта я получила взгляд, полный осуждения. Похоже, он воспринял меня как развратную особу, готовую раздеться перед любым мужчиной.

Мда... Прежде чем предлагать купания, мне стоило бы вспомнить, что нравы арамерок отличаются от наших. Они более целомудренны и неприступны. В нашей империи считается нормой предаваться любовным утехам с рабами, не считая это чем-то аморальным. Насколько я знаю по рассказам, в Арамерском царстве с этим гораздо строже. Я не по-

думала, что это может оттолкнуть Маркуса.

Хотя, с другой стороны, он ведь сам намекал на секс, охотно красовался передо мной в обнаженном виде. Вот как его после этого понимать?

Или для него нормально соблазнять самому, но для женщины такое поведение считается недопустимым?

Мне пришлось на ходу менять линию поведения:

- Не хочешь мыть – пожалуйста. Я не настаиваю. Сама с этим прекрасно справляюсь. Мне показалось, что тебе будет приятно понежиться в ванне, пользуясь моментом, но раз нет – то нет.

- Я не отказываюсь, - хмуро бросил Маркус. - Но ты ведь явно не собираешься ограничиваться только приятными заботами?

До чего было проще работать с деревенскими неучами. Послал же Рамон на мою голову это упрямое недоразумение!

- Требования стандартные для всех рабов. Уборка в доме, растопка печи, помощь в закупе продуктов и дров, готовка, помощь с купанием и нарядами, стирка, работа в саду. В свободное время – изучение местной культуры и хороших манер, принятых в нашем обществе. Как видишь, ничего унижительного. И, разумеется, никаких дерзостей, ребячеств, флирта и пустой болтовни. Ко мне обращаться на «Вы» и добавлять «госпожа». Проявлять почтительность и не пытаться командовать.

- То есть вести себя как молчаливый послушный истукан?

Спасибо, мне это не подходит.

Я готова была взорваться от гнева. Мне казалось, что все, он уже почти согласен. Да и какой смысл упрямиться? Условия были максимально щадящими. Я уже намекнула ему и на более тесный контакт в ванной, и перечислила самые необременительные задачи. Любой другой на его месте согласился бы, а этот ни в какую!

- Хорошо. Тогда я просто посижу пока здесь и посмотрю, как ты справишься с желанием сходить в туалет, - один только Далар знает, чего мне стоило сохранять спокойствие. Мысленно хотелось придушить Маркуса.

С несколько минут он молчал. Затем проворчал:

- Неделя. Никаких «Вы» и «госпожа». И ты не будешь просить меня воздерживаться от шуток.

Час от часу не легче. Шутки-то ему зачем сдались?

- Две недели. На «Вы». Без шуток и комментариев.

- Вообще-то, когда торгуются – принято идти на уступки, - попенял мне Маркус.

- Я и не торгуюсь. Условия были обозначены. Дальше сам решай. Или соглашаешься, или готовься обмочиться на моих глазах.

Как я точно считала его страх опозориться перед посторонним человеком! Это явно его пугало!

Но я все равно рисковала. Если выберет второй вариант, у меня не останется способов давления.

Маркус снова молчал. А я буквально чувствовала, как бе-

шено колотится мое сердце в ожидании решения. Или он сейчас соглашается, или я уже попросту не знаю, как еще на него влиять.

- Хорошо, я могу допустить, что соглашусь побыть у тебя в услужении две недели. И даже постараюсь обращаться к тебе на «Вы» и называть «госпожой». Но пойми – я не смогу молча выполнять приказы: не в моем характере вести себя как раб. У меня при всем желании не получится.

- Так постарайся.

- Женщина, ты слушаешь, что я тебе говорю?! Как я дам тебе слово, зная, что все равно нарушу его?

Я с ним с ума сойду. То есть теперь вся загвоздка в том, что ему тяжело будет молчать?

- Давай так. Я не буду противиться твоей болтовне, чтобы ты не чувствовал себя каменным истуканом. Но все же я попрошу не быть слишком навязчивым, воздерживаться от шуток и помнить о почтительности. В противном случае буду наказывать. Тебя это устроит?

- Не хочу тебя заранее обнадеживать, но я попытаюсь.

У меня аж от сердца отлегло. Наконец-то. Смогла! Хотя радоваться еще рано, посмотрим, как он будет держать слово. Но все равно, это уже хоть что-то. Нашла-таки к нему подход.

- И еще одно условие! – произнес раб.

Да что ты будешь делать! Я его точно убью!

- Какое же?

- Ты назовешь свое имя.

Вот ведь пристал с этим именем. Честно говоря, не знаю, почему я тоже упрямылась, не желая представляться. Обычно никакого секрета из этого я не делала.

- Будешь прилежным и исполнительным – назову.

- Договорились, - его карие глаза лукаво сверкнули.

Мальчишка. Как есть мальчишка.

ГЛАВА 6

Виру пришлось буквально снять арамерца с рамы, потому что конечности Маркуса отказывались слушаться. Ноги подкашивались, а руки бессильно висели. От дальнейшей помощи военнопленный гордо отказался, хотя я прекрасно видела, насколько ему тяжело стоять и с каким усилием он пытается вернуть кровь в онемевшие конечности.

Сходил в уборную, ополоснулся, напился воды. Спать отказался, притом, что нетрудно было догадаться, как он должен был устать за эту ночь. Но раз пленник хотел покрасоваться передо мной несгибаемостью характера – пожалуйста. Мне это только на руку.

Пока арамерец готовил завтрак - блинчики с медом и орехами, я размышляла как мне следует его воспитывать. Первые две недели, как и обещала, буду давать брюнету стандартные задания по дому. Нужно будет не забывать почаще хвалить Маркуса, чтобы выработать в нем ощущение собственной значимости и желания служить тщательнее, раз для него так важно быть красавцем в чужих глазах.

Постепенно начну детальнее рассказывать о предпочтениях Эйстерии. Там, где две недели, там и три. Потом и четыре. Втянется. Поймет, что ничего такого уж страшного в службе нет, и перестанет артачиться.

Единственная проблема в том, что госпожа Эйстерия обо-

жает унижать рабов. На такое Маркус явно не согласится. А как его к этому подвести – понятия не имею.

Из кухни доносились шипение масла и запах свежее испеченных блинов. Маркус деловито стоял возле очага, наливая тесто на сковороду. Рядом на столешнице стояла низенькая стопочка золотистых блинчиков. Я уцепила один и довольно заурчала. Мягчайшие, промасленные, толстенные.

- Ну куда ты раньше времени? – добродушно проворчал арамерец, понял, что сказал лишнего и попытался исправиться. – Я имел в виду: не спешите, госпожа, я сейчас все дожарю и принесу в столовую. С медом и орехами будет гораздо вкуснее.

Я молча кивнула, решив закрыть глаза на оплошность. По крайней мере сейчас фраза была произнесена по привычке, а не с целью выказать свое пренебрежение к правилам.

- Ты где-то учился готовке? – я присела неподалеку на табурет. Мне нравилось наблюдать за тем, как брюнет орудует кухонной утварью, ловко поворачивает сковородку распределяя тесто по всей поверхности, как переворачивает блин румяной стороной наверх. Солнечные лучи попадали через небольшое окно, ложась на кухонный стол яркими пятнами. Было приятно сидеть, жмурясь от солнца и слушать шкворчащие звуки сковороды, деловитое «та-а-ак» когда Маркус подцеплял готовый блин и его тихонькое подмурлыкивание очередной песенки.

- Дома на кухне постоянно ошивался. Наблюдал как наш

повар готовит. А потом, когда уже в армию пошел, частенько кормил наших ребят на привалах. Да и в целом всегда нравилось возиться с едой.

Интересная оговорка. О себе Маркус пока неохотно рассказывал, стараясь не вдаваться в подробности. Но раз сказал, что у них был повар, значит сам он не из крестьянской семьи, и в армию пошел не от нужды. Да и по манерам заметно, что у арамерца хорошее образование. Но как он тогда оказался среди рабов? Этот вопрос не давал покоя. Богачи всегда с легкостью откупались от плена.

- Ваша семья разорилась? – озвучила я догадку.

- С чего ты.. простите, Вы так решили? – и после паузы вспомнил, что нужно добавить: - госпожа.

- Пытаюсь понять, как ты попал в рабство, раз у вас был личный повар.

- Гхм... Нет, с моей семьей все в порядке, и мы не разорены. Но, скажем так... то, что я попал в плен, могло бы принести много проблем для моих близких. Если позволите, госпожа, то я бы предпочел сменить тему.

Человек-загадка. Мне теперь было еще любопытнее узнать, что там у него за обстоятельства такие, раз попадание в рабство могло вызвать проблемы в семье? Может быть, за него потребовали бы слишком большой выкуп, который семья не могла оплатить? Или это каким-то образом бросило бы тень на его репутацию? Не знаю, как с этим обстоит у арамерцев, возможно для них попасть в плен равносильно

позору и вместо того, чтобы откупиться, Маркус предпочел сказаться для близких погибшим?

- Госпожа, позвольте сервировать стол для завтрака, - произнес брюнет с учтивым поклоном.

Это еще один признак того, что его семья не бедствовала. Он прекрасно знает, как должны вести себя рабы. С одной стороны, это радовало: времени на обучение этикету и манерам потребуется совсем немного. В основном нужно будет лишь бегло ознакомиться со всеми аспектами и уделить внимание только тем моментам, которые отличаются из-за особенностей арамерской культуры.

С другой стороны, я начинала лучше понимать яростное сопротивление Маркуса подчиняться. Дело не только в его свободолюбивом характере, но и статусе. Когда ты с детства растешь в окружении прислуги, самому оказаться на ее месте – незавидная участь.

- Лучшие блинчики от лучшего повара для прекраснейшей госпожи готовы! Приятного аппетита, - и добавил тихо, себе под нос, но я расслышала: - гецхе.

На арамерском это означало «красавица».

Я улыбнулась, вновь закрывая глаза на это озорство. Может быть и зря, но мне очень нравились его знаки внимания. Ничего не могла с собой поделаться. И руки у него сильные, и взгляд уверенный и даже властный.

«Так, Лиша, не забывайся. Он твой воспитанник».

Заставила себя отогнать фривольные мысли о Маркусе и

сосредоточиться на завтраке.

- Изумительно, - простонала я, откусывая блинчик, политый медом и посыпанный орешками. – У тебя действительно талант к готовке.

Маркус просиял.

- Рад стараться, госпожа.

И ведь действительно старался. Вел себя... не сказать, что безукоризненно, но весьма приемлемо. Обычно, столь учтиво и галантно рабы начинают вести себя лишь на вторую, а то и третью неделю обучения.

- А что это? – я указала на чашу, наполненную непонятной жидкостью. Пахла она странно, но не сказать, что неприятно. Угадывался какой-то легкий цветочный аромат и запах трав, какие обычно используют в готовке.

- Простите, госпожа, мою дерзость, но сил моих нет смотреть, как вы портите хорошее вино, разбавляя его водой. От Вира я узнал, что у вас не принято пить воду, и решил приготовить напиток с моей родины. Это эшчет. Попробуйте. Он хорошо утоляет жажду и отлично подойдет к блинам.

Вот опять он пытается командовать. Разбавленное вино ему, видите ли, не нравится. А если его не разбавлять, то быстро хмелеешь. Неразбавленные вина у нас принято пить во время застолий, либо после ужина. А так вот чтобы с утра пораньше налегать – мы же не варвары.

С опаской поднесла кружку к носу, еще раз вдохнув аромат напитка. По цвету жидкость напоминала савенийское бе-

лое вино. Отхлебнула глоток и лицо само скривилось от горечи, которую я проглотила.

- Ты меня отравить вздумал? Это невозможно пить! - возмутилась я, отплевываясь.

- Что не так? – по лицу Маркуса было заметно, что он ожидал иной реакции.

- Оно горькое! И противное. И горячее, - я пыталась заесть мерзкий привкус блинчиком. – Это не напиток, а какая-то лечебная микстура, которую дают больным при простуде. Фу! Налей мне нормального вина! Разбавленного!

- Глупая женщина! Кхм... Простите, госпожа. Сейчас, - сказал Маркус, уходя на кухню и бубня под нос, что предпочел бы сотню раз погибнуть на поле боя, если бы знал, что его будут заставлять издеваться над благородным напитком.

Если не считать неудачной попытки напоить меня какой-то гадостью, то в остальном Маркус справлялся весьма прекрасно, а я в свою очередь не скупилась на комплименты. И, надо сказать, моя тактика давала плоды. Чем больше я хвалила гордого брюнета, демонстрируя благодарность за его работу, тем больше он старался. Этот горячий красавчик явно любил нравиться женщинам.

После завтрака он прибрал на кухне, сходил вместе с Виrom на рынок за дровами. К слову, вернулся с виноградом и скромным букетиком цветов. Виноград, как выяснилось, ему подарил на рынке один из вчерашних торговцев, а цветы Маркус нарвал по дороге, уговорив Виру сделать небольшой

крюк и чуть прогуляться за городскими стенами.

Удивительный мужчина. Второй день в городе, а ему уже виноград бесплатно дарят, Вир ему во всем потакает. Но я настолько давно не получала цветов, что была тронута. Даже ругаться не хотелось на самовольство Маркуса. Подумаешь, задержался немного, зато цветочков принес. Еще и симпатичных таких. Видно было, что не просто рвал все подряд, а подбирал по цвету. В букете сочетались белые, желтые и сиреневые цветы, какие можно встретить в наших полях. Названия их я не знала, но все вместе они смотрелись крайне симпатично.

К тому же, мы наконец-то смогли пополнить запасы дров, а это значит, что сегодня меня ждет горячая ванна! Не эти жалкие нагретые ковшики, которыми толком и не ополоснуться, а большая просторная ванна, в которой можно плескаться хоть весь вечер.

Одним словом, настроение мое было настолько прекрасно, что не было ни малейшего желания цепляться к Маркусу.

Днем меня ждала тушеная свинина с фасолью и вновь этот иноземный эщет. На этот раз напиток выглядел темнее, отчего больше походил на золотистое иллейское вино, считающееся у нас самым дорогим.

Мне не хотелось пробовать незнакомую жидкость, но упрямец так настаивал, что я вынуждена была согласиться сделать хотя бы глоток.

- Ну... - я попыталась улыбнуться, чтобы хоть как-то под-

бодрить неудачливого раба. – Врать не буду, это в разы приятнее, чем та гадость, которой ты поил меня с утра. Она сладкая, я даже почувствовала какую-то кислинку от ягод. Но все равно очень терпко, и остается горькое послевкусие.

- Не понравилось, значит, - Маркус чуть приуныл, но быстро вернул воодушевленный настрой. - Ладно, завтра приготовлю его по-другому рецепту. Ты ведь, простите, Вы ведь дадите мне еще один шанс, госпожа? Поверьте, это действительно вкусно.

- Дам, дам, - я отмахнулась от этого неугомонного брюнета, понимая, что иначе он от меня не отстанет.

Правильно я ему сказала: при должном подходе он из Эйстории веревки вить будет. Невозможно было вести себя с ним хоть сколько-нибудь строго. Взрослый мужчина с мальчишеской непосредственностью, он постоянно вызывал у меня улыбку.

Да и в принципе, этот второй вариант напитка гораздо меньше напоминал лекарство. Я даже отпила еще несколько глотков, пока Маркус ходил за вином. Если заедать напиток медовыми орешками и фруктами, то с натяжкой... Да нет, все равно много такого не выпьешь. Уж лучше вино. Сладкое, ароматное, без всякой горечи.

Маркус продолжал пытаться приучить меня к напитку со своей родины. Иногда ему удавалось приготовить что-то вполне сносное, и я выпивала почти все. Но в основном его эксперименты заканчивались неудачей. Однако это лишь

подзадоривало мужчину.

Дни наши текли размеренно. Брюнет помогал Виру по хозяйству, готовил для нас вкуснейшие блюда, учил северянина жарить мясо и печь хлеб. С большим удовольствием ходил на рынок и гулял со мной по городу. Много спрашивал о его устройстве, жителях, нравах. Рассказывал забавные истории из детства и прежней, до военной жизни. Например, как он с друзьями выкрал коня из стойла соседа, и парни всю ночь скакали по полям. Как разбил любимую мамину вазу, играя в прятки с младшей сестрой. Как однажды нашел в лесу ящерицу и принес домой, объявив, что отныне она будет его домашним питомцем. И в какой ужас пришла мама, поняв, что ей предстоит жить в одном доме с рептилией.

О военной карьере раб почти не рассказывал, оправдывая это тем, что не хочет «пугать ушки госпожи» страшными историями о битвах.

Вечера мы проводили за обучением. Я объясняла, как встречать гостей, как вести себя во время прогулок, на какие темы можно говорить с госпожой, а каких стоит избегать, и многое другое. Также мы прояснили, как проходит принятие ванны, как должен вести себя раб во время этого процесса.

Выяснилось, что в Арамерском царстве процесс омовения весьма интимный, и там не принято, чтобы женщин мыл раб-мужчина. Это могут делать только другие женщины или супруг. И в целом обнаженное тело арамерок являлось чем-то священным, окутанным тайной и предназначенным лишь

для возлюбленного.

В нашей империи, наоборот, красивое тело, неважно, мужское или женское, воспринималось сродни произведению искусства, которым приятно любоваться. И обнажиться перед рабом-мужчиной не считалось чем-то постыдным. Раб – это всего лишь раб, и стесняться перед ним собственного тела выглядело для нас полнейшей глупостью.

Несмотря на то, что для Маркуса наши нравы казались излишне вольными и откровенными, и мне даже доверительно сообщили, что на его родине после такого позора женщина не смогла бы найти себе приличного супруга, ему явно нравилась идея помочь мне с приемом ванны. Я это прекрасно понимала, но с омовением не спешила. Лишь намекнула, что если он и дальше продолжит старательно подходить к выполнению заданий, то его будет ждать дополнительное и весьма приятное поощрение за труды.

Поощрение не заставило себя ждать.

ГЛАВА 7

25 дней до визита Эйстерии

Через три дня после ужина Маркус растопил печь в подвале и наполнил горячей водой небольшой бассейн. Я подошла к нему, когда все было готово.

Ванна находилась в передней части дома. В нее можно было попасть двумя путями: первый шел из спальни тетушки, второй - из сада, которым я и воспользовалась. Не слишком удачная планировка, но родственница, создавая дом, явно не думала о комфорте тех, кто будет жить в гостевой комнате.

Для понимания, уборная, была всего одна, и чтобы попасть в нее мне каждый раз приходилось идти через сад и ванную. Но зато само помещение для купаний было выше всяких похвал: просторное, с бассейном посередине, занимавшим почти все пространство. Вода поступала в бассейн по трубам и по ним же сливалась. Никаких тасканий ведер из колодца, как это было в моей семье.

По периметру бассейна выстроились массивные величественные колонны, позади которых на подвесных цепях горели лампы с зажженным маслом. Крыша была устроена так, что можно было купаться, наблюдая ночное небо над головой. Благодаря горячей воде плавать было приятно даже в холодные зимние вечера. По желанию крышу можно было закрыть на случай дождя или града. В жару это место, на-

оборот, служило возможностью отдохнуть в прохладной воде, укрываясь от палящего зноя.

В дальнем углу комнаты стояли кушетки, на которых можно было отдохнуть после расслабляющей ванны. Рядом находился столик для вина и фруктов, а также подставка для благовоний, масел и кремов.

Такая ванна считалась вершиной инженерного искусства даже среди аристократов. Родственница часто подчеркивала, как много денег вложила в ее создание.

Маркус зажег все лампы, отчего комната наполнилась теплым желтым светом и приятным потрескиванием огня. Через открытый проем в крыше лился холодный свет звезд. Раб зажег благовония: сушеные травы шалфея, тимьяна и мяты, связанные в тугой пучок. Легкий аромат расползлся по помещению, создавая умиротворенную атмосферу. В воду брюнет добавил немного эфирных масел. От бассейна поднимался пар, окутывая пространство туманной дымкой.

- Госпожа, ванна готова, - объявил Маркус.

- Помоги раздеться, - сказала я, повернувшись к нему спиной.

Теплые пальцы осторожно коснулись завязок на моих плечах, слегка задевая кожу и вызывая сладостную волну мурашек. Плавнo потянули за тесемки на правом плече, освобождая его от ткани. Затем перешли к левому. И очень медленно спустили мою светлую тунику к ногам. Маркус подал руку, чтобы я могла на нее опереться, переступая через сброшен-

ный наряд. И вновь я почувствовала томление внизу живота.

Для меня было в новинку ощущать столь яркую реакцию на простейшее действие, к которому я давно привыкла. Однако оказалось, что помощь в раздевании от безразлично-го раба и от мужчины, к которому я испытываю сексуальное влечение, различаются кардинально. Тело было готово откликаться даже на малейшие прикосновения, впитывая их с жадностью путника, нашедшего долгожданный источник.

Маркус, продолжая держать меня за руку, сопровождал к бассейну, помогая опуститься в воду.

- Не слишком горячо, госпожа?

- Все хорошо, - я с блаженной улыбкой опустилась в обволакивающее тепло воды. Она пахла сандалом и розами.

- Вы позволите? – он вопросительно указал на губку.

Кивнула.

Брюнет опустил позади меня, смочил губку и принялся бережно водить ею по моей спине. Тщательно и в тоже время аккуратно тер спину, плечи, руки. От его движений вода ласково плескалась о кожу, окатывая ее легкими волнами.

Пламя лампад умиротворяюще потрескивало, через крышу лицо обдувал прохладный ветерок, и все вместе навевало такое благодушное настроение, какого я давно не испытывала. Пожалуй, впервые за долгие месяцы мысли о невзгодах отступили на второй план, дав возможность погрузиться в момент и наслаждаться каждым прикосновением мужчины.

После того как процесс омовения был закончен, наступи-

ла очередь для поощрения раба. То, что я собиралась сделать, повергло бы мою консервативную тетушку в ужас. Она всегда была приверженкой теории, что рабов следует держать в строгости, чтобы те ни на минуту не забывали о своем статусе. Я же, воспитанная в большей степени на трудах иллейских философов, придерживалась принципов гуманизма, считая, что рабов следует не только наказывать, но и награждать, тем самым воспитывая в них преданность хозяину.

Эти заветы я объясняла и своим клиентам. Не могу сказать, что все из них разделяли мое мнение. Некоторые считали, что раб ничем не отличается от скотины или мебели, и поэтому не нуждается в человеческом отношении. Тогда я переходила на более понятный для них язык, сравнивая поощрения рабов, к примеру, с уходом за лошадьми.

Объясняла, что конь, которого исправно кормят, вычесывают, гладят и ласково зовут по имени, никогда не скинет хозяина, что бы не случилось. Серебряный кубок, когда его регулярно натирают песком и полируют, не почернеет от времени. Также и раб, если проявлять к нему участие и заботу, не предаст и останется верен господину даже в трудные времена.

- Я видела, как ты старался все эти дни, - произнесла я, поворачиваясь к Маркусу, - Видела, что порой тебе бывало сложно бороться с характером и привычками, но ты справлялся, выполняя данное тобой обещание. Поэтому я думаю,

что будет справедливо, если ты сможешь насладиться купанием в ванне в качестве награды.

Надо было видеть в тот момент лицо брюнета. Его густые темные брови взметнулись вверх, а длинные ресницы быстро-быстро захлопали, пока он осмысливал услышанное.

- Я правильно понял, что Вы разрешаете мне присоединиться к Вам, госпожа? – спросил он.

- Да. Залезай в бассейн.

Долго уговаривать не пришлось. Маркус резко, по-армейски скинул одежду и погрузился в горячую воду, издав протяжное «ох...». Стоило ему усесться поудобнее, расположившись на противоположной от меня стороне, как лицо расплылось в мечтательной улыбке.

- Благодарю Вас.

Я и сама улыбалась, наблюдая с каким удовольствием мужчина поводит плечами, ополаскивает тело водой, и как восторженно смотрит на звезды, откинув голову назад.

- Госпожа, это настоящее блаженство. Не ожидал такого. Вы меня удивили.

- Погоди, это еще не все, - ответила я с лукавой усмешкой и потянулась за губкой.

Вообще, эта часть не входила в мои планы, и идея возникла спонтанно, когда я увидела счастливое лицо Маркуса.

- Гос... ого... даже так? – вырвалось у него, когда я принялась намыливать грудь арамерца. Брюнет сперва с интересом наблюдал за моими действиями, а затем целиком обло-

котился назад и прикрыл глаза от удовольствия.

Я тщательно водила губкой по плечам, затем перешла на его сильные руки. Мне нравилось прикасаться к его крепким мышцам, скользить губкой по его запястьям.

- У Вас волшебные ручки, геце, - шепотом произнес Маркус, словно боясь спугнуть.

Я уже привыкла, что порой он вставлял комплименты на арамерском.

- Шорак, - поблагодарила я на его языке.

- Вы знаете арамерский? – он резко встрепенулся.

Забавно было наблюдать, как Маркус буквально подпрыгнул от неожиданности. Похоже, он все это время полагал, что я не понимаю значения слов, которые он время от времени бормотал себе под нос.

- Разумеется. Не так хорошо, как ты наш, и в основном только то, что касается бытовых моментов. Но да, конечно, мне пришлось его выучить. Ведь я часто работаю с рабами, которых привозят из других стран. Но меня больше интересует, откуда ты знаешь наш язык?

- Мы же страна торговцев, сами понимаете, - ушел от ответа Маркус.

Темнил красавчик, что-то упорно скрывая. Может быть, он не военный? Но кто тогда? Торговец? Шпион? Впрочем, последнее предположение – глупость. Слишком странный для шпиона. Будь я на месте вражеского лазутчика, старалась бы как можно меньше привлекать к себе внимания и не

выделяться.

- Повернись спиной, - попросила я, когда закончила намыливать его торс.

- Госпожа, я могу буквально на минуту выйти из образа? Если что, потом готов понести наказание.

- Всего на минуту?

- Да.

- Ну... допустим... - я решила, что он хочет поделиться какими-то эмоциями или еще сказать что-то такое, что не допустимо для раба. Но вместо этого, как только я дала согласие, он обхватил меня за талию, одним движением пересадил к себе на колени, а затем впился долгим поцелуем в мои губы. Одна его рука скользила по моей спине, а вторая гладила волосы, зарываясь пальцами в темные мокрые локоны.

Первой моей реакцией было замешательство – такого я никак не ожидала, но не знаю... то ли он настолько хорошо целовался, то ли меня действительно к нему тянуло, что после легкого ступора я ответила на поцелуй. Это было очень необычно и не походило на то, что мне доводилось испытывать ранее. Сперва прикосновения были очень нежными и трогательными, но постепенно начали становиться в более страстными. Причем, могу поклясться, в тот момент я чувствовала все те эмоции, которые испытывает Маркус. Он словно передавал их через губы. Честно – я не знаю, сколько это длилось. Мне кажется, далеко не минуту. И даже не

две, и не три. В какой-то момент я настолько растворилась в процессе, что потеряла контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.